

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю

I.

Эволюція єсть безконечное движеніе всего существующаго, непрерывное измѣненіе міра какъ въ цѣломъ, такъ и въ его частяхъ, отъ начала вѣковъ до безконечности. Млечные пути, видимые въ неизмѣримомъ пространствѣ, образуются и исчезаютъ въ теченіе милліоновъ и милліардовъ вѣковъ; звѣзды, свѣтила рождаются, скопляются, умираютъ; движеніе нашей солнечной системы съ его центральнымъ свѣтиломъ, его планетами и лунами, все, что находится въ узкихъ предѣлахъ нашего земного шара, вновь возникающія и исчезающія горы, океаны, образующіеся съ тѣмъ, чтобы потомъ высохнуть, ярко блестящія въ долинахъ рѣки, которыя высыхаютъ подобно утренней росѣ, покольнія растеній, животныхъ и людей, слѣдующихъ одно за другимъ, милліоны незамѣтныхъ маленькихъ существъ отъ человѣка до насѣкомаго – все это явленія всеобщей великой эволюціи, увлекающей все въ своемъ безконечномъ движеніи.

Въ сравненіи съ этимъ основнымъ фактомъ міровой эволюціи, что значать эти маленькія явленія, называемыя революціями астрономическими, геологическими или политическими! – Едва замѣтныя движенія, почти призрачныя.

Милліарды милліардовъ революцій смѣняютъ другъ друга въ міровой эволюціи. Но какъ бы малы онѣ ни были, онѣ являются частью безконечнаго движенія.

Такимъ образомъ, наука не видитъ никакого противорѣчія между этими двумя словами: эволюція и революція, которыя очень сходны между собою, но которыя въ обыденной рѣчи употребляются совершенно въ иномъ смыслѣ, различномъ отъ ихъ первоначальнаго значенія. Не видя въ нихъ явленій одного и того же порядка, различающихся только по степени, трусливые люди, боящіяся всякихъ переменъ, придаютъ этимъ двумъ словамъ совершенно противоположный смыслъ. Эволюція – синонимъ постепеннаго развитія, совершающагося въ области идей и нравовъ, – понимается ими, какъ нѣчто противоположное этой страшной вещи – революціи, представляющей собой болѣе или менѣе рѣзкія переменны въ міровой жизни. Съ кажушимся или даже искреннимъ энтузіазмомъ говорятъ они объ эволюціи – медленномъ развитіи, совершающемся въ мозговыхъ клѣткахъ, въ головахъ и сердцахъ; но имъ нельзя говорить о страшной революціи, которая возникаетъ внезапно въ умахъ, выливается на улицы, сопровождаясь иногда неистовыми криками толпы и громомъ оружія. Прежде всего скажемъ, что эти люди обнаруживаютъ только свое невѣжество, воображая, что между эволюціей и революціей существуетъ такая же разница, какъ между миромъ и войной, между мирной жизнью и насиліемъ. Иногда революціи могутъ совершаться мирно, вслѣдствіе внезапного измѣненія среды и перемѣщенія интересовъ; точно также и эволюціи въ обществѣ могутъ быть чрезвычайно затруднены, сопровождаясь войнами и преслѣдованіями. И, если слово эволюція охотно употребляется тѣми, которые съ ужасомъ смотрятъ на революціонеровъ, то это происходитъ оттого, что они не понимаютъ всего значенія этого слова, такъ какъ отъ него то они открещиваются всѣми способами. Они говорятъ о прогрессѣ въ общихъ выраженіяхъ, но сущности его самого не хотятъ. Они находятъ, что современный строй, какъ бы плохъ ни былъ, въ чемъ они сами сознаются, все таки долженъ быть сохраненъ, – такъ какъ имъ достаточно, чтобы онъ дѣлалъ возможнымъ достиженіе для нихъ ихъ идеала: богатства, власти, значенія и комфорта.

Такъ какъ существуютъ богатые и бѣдные, власть имущіе и подчиненные, господа и рабы, властелины, дающіе знакъ къ борьбѣ, и гладіаторы, идущіе по ихъ знаку на смерть, то этимъ благоразумнымъ людямъ остается только стать на сторону богатыхъ и власть имущихъ или сдѣлаться куртизанами и льстецами сильныхъ міра. Это общество даетъ хлѣбъ, деньги, мѣста, почести; и отлично: пусть умные люди устраиваются такимъ образомъ, чтобы получить наибольшую часть всѣхъ этихъ благъ. Если они родились подъ счастливымъ созвѣздіемъ, которое, избавляя ихъ отъ всякой борьбы, дало имъ все необходимое въ изобиліи, то зачѣмъ же имъ жаловаться? Они стараются убѣдить себя, что всѣ такъ же довольны, какъ они сами; сытому кажется, что весь міръ хорошо пообѣдалъ. А если какой-нибудь эгоистъ съ дѣтства обиженъ судьбою и недоволенъ ею, то у него по крайней мѣрѣ остается надежда добиться своего интригами, лестью, благодаря счастливой случайности или даже упорнымъ трудомъ въ пользу власть имущихъ. Что для него общественная эволюція? Его собственная эволюція къ богатству, вотъ его единственное стремленіе. Не заботясь о правахъ всѣхъ, онъ ищетъ лишь исключительныхъ правъ для себя самого.

Существуют однако рабские умы, которые искренно вѣрятъ въ эволюцію идей и питаютъ неопредѣленныя надежды на соответствующее измѣненіе обстоятельствъ, но которые, тѣмъ не менѣе, съ инстинктивнымъ почти физическимъ страхомъ думаютъ о всякой революціи. Они желаютъ ее и боятся ея одновременно: они критикуютъ существующій строй и мечтаютъ о новомъ, какъ будто бы онъ долженъ появиться внезапно, вызванный какимъ то чудомъ безъ малѣйшей ломки и борьбы между грядущимъ и отжившимъ. Слабые, безвольные люди мечтаютъ, не имѣя ни силъ, ни желанія, достигнуть своей цѣли. Принадлежа къ обоимъ мірамъ, они фатально осуждены не служить ни тому ни другому: среди консерваторовъ они являются разобщающимъ элементомъ, благодаря своему образу мыслей; среди революціонеровъ они становятся крайними реакционерами, измѣняя объѣмамъ своей юности и какъ собака, о которой говоритъ евангеліе, возвращаются къ тому, что они нѣкогда изрыгли. Такимъ образомъ во время революціи наиболее ярыми защитниками стараго порядка становятся тѣ, которые когда то зло насмѣхались надъ нимъ: изъ сторонниковъ они обращаются въ ренегатовъ. Они замѣчаютъ слишкомъ поздно, какъ неловкіе волшебники легенды, что они вызвали слишкомъ страшныя, темныя силы, съ которыми они уже не могутъ справиться.

Къ другому классу эволюціонистовъ принадлежатъ тѣ, которые въ общей необходимости переменъ преслѣдуютъ только одну сторону ихъ, которой и посвящаютъ себя всецѣло, забывая все другое. Они напередъ ограничили свое поле дѣйствія. Нѣкоторые изъ нихъ, люди ловкіе, пожелали такимъ образомъ войти въ сдѣлку со своею совѣстью и работать въ пользу будущей революціи безъ риска для самихъ себя. Подъ предлогомъ посвященія своихъ силъ какой-нибудь необходимой ближайшей реформѣ, они теряютъ совершенно изъ вида общій высшій идеалъ будущаго и даже откровенно отрекаются отъ него. Другіе болѣе честныя и порядочныя какъ будто и способствуютъ общему дѣлу, но вслѣдствіе узости своего ума, видятъ и понимаютъ его односторонне. Искренность ихъ убѣжденій и поведенія ставить ихъ внѣ всякаго подозрѣнія: мы ихъ считаемъ нашими товарищами по дѣлу, хотя съ горечью сознаемся, что ограничившись узкимъ полемъ дѣйствія, борясь противъ одного какого-нибудь частнаго зла, они какъ-будто санкціонируютъ всѣ другія злоупотребленія.

Я не говорю о тѣхъ, которые стремятся, напримѣръ, къ реформѣ орфографіи, толкуютъ объ измѣненіи мѣста прохожденія меридіана, какъ о чемъ то чрезвычайно важномъ, ополчаются противъ употребленія корсетовъ и мѣховыхъ шапокъ; есть болѣе возвышенныя цѣли, которыя требуютъ отъ преслѣдующихъ ихъ и смѣлости, и упорства, и преданности дѣлу; и если они проявляютъ эти качества, то мы, революціонеры, не можемъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ уваженіемъ и симпатіей. Такъ, если мы встрѣчаемъ благородную женщину, преисполненную состраданія къ своимъ падшимъ сестрамъ, которая, не боясь общественнаго мнѣнія, подходитъ къ проституткѣ со словами любви, протягивая ей руку для борьбы съ попирающимъ челоуѣческое достоинство агентомъ полиціи нравовъ или противъ участкаго врача, принуждающаго ее являться къ себѣ для освидѣтельствованія и насилующаго ее, или противъ всего общества, съ презрѣніемъ толкающаго ее въ грязь, никто изъ насъ не остановится передъ соображеніями общаго характера, чтобы отказать смѣлому борцу противъ официального разврата въ своемъ уваженіи. Безъ сомнѣнія, мы можемъ сказать такой женщинѣ, что всякая революція въ одной области должна соответствовать революціи въ другой, что возмущеніе личности противъ поработщающаго его правительства заключается не только въ защитѣ челоуѣческаго достоинства падшей женщины, но и въ защитѣ клейменаго каторжника и всякой другой подчиненной или подавленной личности, но мы не можемъ не восторгаться тѣми, кто искренно и всецѣло преданъ борьбѣ даже на такомъ узкомъ поприщѣ. Точно также мы называемъ героями людей, которые въ какой бы то ни было странѣ и когда бы то ни было отдавались всецѣло дѣлу, жертвуя собой ради общаго блага. Какъ бы ни было ограничено ихъ поле дѣйствія, пусть всякій изъ насъ преклонится передъ ними и скажетъ: «мы должны подражать имъ на нашемъ поприщѣ, гораздо болѣе обширномъ, въ нашей борьбѣ, которая ведется за все челоуѣчество».

Итакъ, эволюція касается совокупности всѣхъ сторонъ жизни челоуѣчества и революція должна тоже касаться всего, хотя не всегда замѣтенъ параллелизмъ въ событіяхъ разныхъ областей жизни, изъ которыхъ слагается жизнь обществъ. Всякій прогрессъ въ одной области соответствуетъ прогрессу въ другой, и мы стремимся ко всѣмъ имъ по мѣрѣ нашихъ силъ и знаній: къ прогрессу въ областяхъ соціальной и политической жизни, въ морали и наукѣ, искусствахъ, индустріи, – эволюціонисты во всемъ, мы одновременно являемся революціонерами во всемъ, зная, что вся исторія есть ничто иное, какъ

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org послѣдовательное завершеніе явленій жизни народовъ, безпрестанно и постепенно подготовляющихся къ этому. Прямымъ послѣдствіемъ великой интеллектуальной эволюціи, которая освободитъ нашъ умъ отъ всякихъ предразсудковъ, является освобожденіе личности въ ея отношеніяхъ ко всему окружающему.

Такимъ образомъ, можно сказать, что эволюція и революція – являются смѣняющимися другъ друга актами одного и того же явленія: эволюція предшествуетъ революціи, которая въ свою очередь эволюционируетъ до новой революціи и т. д. Можетъ ли происходить измѣненіе безъ перемѣщенія центра тяжести въ жизни? Развѣ революція не должна по необходимости быть слѣдствіемъ эволюціи, какъ дѣйствіе является непосредственнымъ послѣдствіемъ нашего волевого импульса къ дѣйствію? То и другое различаются только по времени ихъ появленія. Когда переграждается рѣка, воды ея собираются и разливаются вокругъ встрѣтившагося препятствія и мало по малу образуютъ озеро, пока онѣ вдругъ не найдутъ выхода, – паденіе камешка рѣшаетъ дѣло, происходитъ катаклизмъ: мощными напорами воды сносится насыпь, озеро исчезаетъ и рѣка течетъ по старому руслу. Такъ происходитъ маленькая революція въ природѣ.

Если революція слѣдуетъ за эволюціей всегда запаздывая, то причиной этого является сопротивленіе среды: вода ручья шумитъ въ своихъ берегахъ, такъ какъ они задерживаютъ его теченіе; громъ гремитъ въ облакахъ, такъ какъ атмосфера препятствуетъ проникновенію искры изъ облака. Всякое превращеніе матери, всякое осуществленіе идеи встрѣчаетъ препятствіе въ собственной инертной средѣ и новое явленіе не можетъ проявиться иначе, какъ вслѣдствіе усилія, которое будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе препятствіе. Гердеръ, говоря о французской революціи сказалъ: когда сѣмя попадаетъ въ землю, оно долго кажется мертвымъ, потомъ вдругъ пускаетъ ростокъ, преодолеваетъ покрывающую его твердую землю и превращается въ растеніе, которое зрѣетъ и приноситъ свой плодъ. А какъ рождается ребенокъ? Девять мѣсяцевъ онъ лежитъ во мракѣ материнскаго чрева, и, наконецъ, вырывается на волю, разрывая свертывающую его пелену, иногда даже убивая свою мать. Таковы революціи, являющіяся естественными послѣдствіями предшествующихъ имъ эволюцій.

Существуютъ изрѣченія, сдѣлавшіяся пословицами, которыя люди употребляютъ машинально, какъ бы избавляя себя отъ необходимости вдуматься въ ихъ содержаніе. Такова, напримѣръ формула Линнея: «Non facit saltus naturae».

Конечно, природа не дѣлаетъ скачковъ, но каждая ея эволюція совершается перемѣщеніемъ силъ, устремленныхъ къ новой цѣли.

Общее развитіе жизни каждаго существа въ отдѣльности или цѣломъ рядѣ существъ нигдѣ не является намъ прямой непрерывности, а наоборотъ, одни явленія ея происходятъ послѣ другихъ какъ бы насильственно и революціонно. – Вѣтка не прибавляется къ вѣткѣ, цвѣтокъ не есть продолженіе листка, ни пестикъ – тычинки, яйцо различно отъ органовъ, породившихъ его, сынъ не является продолженіемъ отца или матери, а становится въ дѣйствительности новымъ, различнымъ отъ родителей, существомъ. Прогрессъ совершается постоянно измѣненіемъ явленія, исходя отъ своей точки отправленія для каждаго отдѣльнаго индивида. Генеалогическое дерево существъ, какъ и настоящее дерево, есть собраніе вѣтвей, изъ которыхъ каждая питается не собственнымъ сокомъ, а сокомъ всего дерева. И для великихъ историческихъ революцій тотъ же законъ. Когда старая формы жизни не удовлетворяютъ больше, жизнь требуетъ новыхъ, происходитъ революція.

II.

Однако не всегда революція означаетъ прогрессъ, точно также не всегда эволюція стремится къ большей справедливости. Все измѣняется, все въ природѣ движется въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи и если есть прогрессъ, то можетъ быть и реакція, если есть эволюціи, стремящіяся къ развитію жизни, существуютъ другія, которыя влекутъ къ смерти. Остановка невозможна. Движеніе неизбѣжно въ ту или другую сторону и упрямый реакціонеръ и слащавый либераль, отрещивающіеся отъ всякой революціи, всетаки идутъ по пути ея, эволюционируя къ смерти и вѣчному покою. Болѣзнь, дряхлость, гангрена такія же эволюціи, какъ и возмужалость и юность – черви, появляющіеся въ разлагающемся трупѣ, какъ и первый крикъ новорожденнаго, служатъ признакомъ, что и тамъ, и здѣсь совершилась революція, и физиологія и исторія указываетъ намъ, что эволюція приводитъ иногда къ упадку, какъ и революція – къ смерти.

Исторія человечества, несмотря на то, что известна намъ лишь за короткій періодъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, даетъ намъ массу примѣровъ жизни племенъ, народовъ, и государствъ, которые исчезли съ лица земли вслѣдствіе медленной эволюціи, влекшей ихъ къ ихъ собственной гибели. Причины этого явленія, породившаго болѣзнь обществъ, многочисленны. Климатъ и почва иногда играли въ этомъ преобладающую роль, какъ это случилось, навѣрное, въ огромныхъ пространствахъ центральной Азіи, гдѣ высохли озера и рѣки и гдѣ огромные солончаки покрыли когда-то плодородную почву. Нашествія дикихъ враждебныхъ ордъ, разорили нѣкоторыя страны до тла, – однако есть націи, которыя могли снова развиваться послѣ страшныхъ поражений и многовѣковаго рабства: и если онѣ возвращаются къ варварскому состоянію или вымираютъ окончательно, то причины этого лежатъ уже въ ихъ внутреннемъ строеніи, а не во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Одна изъ этихъ причинъ, являясь самою главною, разъясняетъ исторію всякаго паденія – это когда одна часть общества, подчиняя себѣ другую, большую, захватываетъ землю, капиталъ, власть, образованіе, и почести въ свое исключительное пользованіе – и если масса не въ состояніи реагировать противъ подобной монополіи кучки людей – она осуждена на смерть и ея исчезновеніе лишь вопросъ времени. Появляется чума, которая стираетъ съ лица земли этотъ бесполезный, инертный муравейникъ индивидовъ, не сумѣвшихъ завоевать свою свободу. Съ Востока и Запада появляются разбойничьи племена и, нѣкогда громадные, города превращаются въ пустыню. Такъ погибли Ассирія и Египетъ, такъ исчезла, нѣкогда могущественная, Персія, и наконецъ, Римская имперія, сдѣлавшаяся собственностью нѣсколькихъ крупныхъ владѣльцевъ, пала подъ ударами варваровъ, которымъ не трудно было справиться съ ея поработаннымъ пролетаріатомъ.

Нѣтъ явленія, въ которомъ эволюція не совершалась бы одновременно въ двухъ направленіяхъ: къ смерти и возрожденію; оно является какъ бы равнодѣйствующей эволюціи прогресса и упадка. Такъ паденіе Рима составляетъ во всей своей сложной совокупности цѣлый рядъ революцій и соответствующій имъ рядъ эволюцій, однѣ направлены къ его уничтоженію, другія къ возрожденію новаго міра. Безъ сомнѣнія, паденіе этого громаднаго общественнаго организма, поработившаго весь міръ, послужило къ облегченію положенія подавленныхъ имъ народовъ, и во многихъ отношеніяхъ переселеніе съверныхъ народовъ, хлынувшихъ на цивилизованный міръ, было счастливымъ для исторіи человечества событіемъ – многіе изъ поработанныхъ народностей сбросили тогда съ себя иго давившихъ ихъ поработителей, но науки и промышленность погибли или исчезли на время, произведенія искусства разрушались, жглись библіотеки, казалось, что цѣпь времени порвалась, народы снова впадали въ варварство и деспота смѣняли еще худшія деспоты; изъ мертвой религіи язычества возродилась новая религія, сдѣлавшаяся еще болѣе жестокой и фанатичной, чѣмъ прежняя и тысячелѣтняя ночь невѣжества и безумія, распространяемая попами, нависла надъ землею.

Точно также другія историческія событія могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ, соответственнo тысячи явленій, которыя составили ихъ, которыя проявляются въ социальныхъ и политическихъ переворотахъ жизни націй. И дѣйствительно, всякое историческое событіе или явленіе толкуется различно, сообразно съ глубиной пониманія ихъ и предвзятой мыслью толкователя. Известный примѣръ такого пониманія является толкованіе эпохи Людовика XIV, личному генію котораго приписывали богатый разцвѣтъ французской литературы того времени. «Его взоръ породилъ Корнеліевъ», говорили нѣкоторые. Правда, вѣкъ спустя, никто не осмѣлится утверждать, что Вольтеръ, Дидеро и Ж. Ж. Руссо были обязаны своимъ геніемъ и существованіемъ взгляду Людовика XIV; однако, еще недавно не были ли мы свидѣтелями, какъ англичане превозносили свою королеву, дѣлая ее виновницей всякаго успѣха, всякаго прогресса, совершавшагося въ ея царствованіи. Хотя эта заурядная особа ничѣмъ другимъ, кромѣ своего присутствія на тронѣ въ продолженіи шестидесятилѣтняго періода, не участвовала въ этихъ событіяхъ, принужденная къ бездѣйствію самою конституціею своей страны. Милліоны людей, наполнявшихъ улицы, давая другъ друга, чтобы видѣть ее, хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ ней всемогущаго генія процвѣтанія Англіи. Такое публичное лицезрѣніе было, быть можетъ, потребностью, такъ какъ устраивая эти официальные торжества королевѣ-императрицѣ, нація восхищалась собственнымъ величіемъ. Но не всѣ подданные ея участвовали въ этомъ празднествѣ: ирландскіе фермеры подняли черное знамя возстанія, а въ Индіи голодные толпы народа разрушали дворцы и казармы.

Существуютъ однако обстоятельства, когда прославленіе правительственной

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org власти кажется меньше абсурдным и даже может быть на первый взгляд оправдываемо. Возможно, что какой нибудь Марк Аврелий, талантливый министр, могущественный филантроп или просвещенный деспот употребляют свою власть в интересах бедствующего класса, издают полезный закон, являются защитниками слабых против их поработителей, но это только случайное счастливое стечение обстоятельств, которое даже по условиям своей среды, является совершенно исключительным, так как сильных мира сего всегда легче злоупотреблять своим положением, так как им редко доступно истинное понимание положения, даже если бы они, подобно Гарунь-аль-Рашиду, захотели бы инкогнито сами знакомиться с нуждами своих подданных. Бывают, конечно, случаи, когда намерения и поступки царей и правителей могут быть вполне благожелательны или по крайней мере направлены в пользу народа; в этих случаях общественное мнение, и сами массы принуждали их к этому и инициатива законодателя сводилась к нулю: они уступают силе, которая могла бы быть губительной для них и которую они на этот раз употребляют в свою и общую пользу, потому что движение масс также часто бывает направлено в сторону прогресса, как и реакции. Современная история Европы и особенно Англии нам дает тысячи примеров, когда более справедливые законы издавались не по доброй воле законодателя, но под давлением анонимных масс: и верховная законодательная власть, декретирующая подобные законы, является в действительности только простой исполнительницей воли народа – ее действительного руководителя.

Когда пошлины на хлеб были уничтожены английской палатой, крупные землевладельцы, вотировавшие этот убыточный для них закон, только с большим трудом подчинились необходимости признать справедливость его. Вопреки своим собственным интересам они должны были просто подчиниться желанию масс. С другой стороны, когда во Франции Наполеон III, согласившись с частным мнением Ричарда Кобден, подписал некоторые правила для облегчения свободы торговли, его не поддержали ни его министры, ни Палата, ни даже нация, и изданные им законы не могли долго продержаться: его наследники, воспользовавшись первым удобным случаем, отменили их и вернулись к испытанной системе протекционизма, выгодного богатым предпринимателям и крупным землевладельцам.

Столкновение разных цивилизаций приводят к запутанным положениям, при которых легко поддаться иллюзии и приписать «сильной власти» честь разных мероприятий, меньше всего принадлежащей ей. Так например, много говорят о том, что Британское правительство в Индии запретило религиозный обряд сжигания вдов на могилах их мужей, в то время как следовало бы удивляться тому, что это правительство так долго отказывалось под тем или другим предлогом издать это запрещение, вопреки настояниям лучших людей в Европе и самой Индии. Но от чего же спрашивается, оно так долго покровительствовало толпе фанатичных палачей, не запрещая практику религиозного обряда, основанного к тому же на фальсифицированном тексте Вед. Конечно, в конце концов запрещение этого обряда было великим благодеянием, хотя и сильно запоздавшим, но сколько жестокости нужно приписать этой власти «отеческого попечения»! Сколько налогов, лежащих на тяжелом гнетом на население, сколько страданий и мук во время страшных голодных бунтов!

Так как все исторические явления, можно рассматривать с двух различных точек зрения, то конечно, невозможно судить о них огулом. Пример даже эпохи Возрождения, положившей конец средневековому мраку, показывает нам, как две эволюции, эволюция реакции и эволюция прогресса, могут совершаться одновременно. Эпоха возрождения, которая обратилась вновь к памятникам античного мира, которая освободила науку от схоластических туманностей и цпей суевѣрия и толкнула человечество на путь безстрастных научных исследований, одновременно убила в корне своеобразный и пышно развивавшийся цветок средневекового, (в период коммуна и свободных городов) искусства. Это случилось так же внезапно, как разливы реки, уничтожающей посевы прибрежных селений: все должно было начаться с низова, и как часто банальное и бессмысленное подражание античным образцам замняло собой оригинальные произведения самобытного таланта, более ценны уже по тому, что они были самобытны!

Возрождение наук и искусств сопровождалось параллельно расколом церкви, известным под именем Реформации. Долго полагали, что эта революция была одна, из благодетельнейших событий в истории человечества, так как ею было завоевано право на индивидуальную инициативу и освобождена мысль, которую католические священники намеренно держали в рабстве невежества,

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org полагают, что освобожденный человек делается независимым и стремится к истинному равенству. Но теперь мы знаем, что Реформація положила только основание ряду новых поработавших личностей церковных общин, вмѣсто прежней единой католической церкви, монополизировавшей все право духовнаго поработенія.

Реформація передала церковныя имущества и доходы въ пользованіе новой власти, и съ той и другой стороны стали возникать монашескіе ордена іезуитовъ и ихъ противниковъ, эксплуатировавшіе народъ новыми способами. Лютеръ и Кальвинъ къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ ихъ взглядовъ, относились съ такой же фанатической нетерпимостью, какъ св. Доминикъ и Инокентій III. Какъ и инквизиторы они шпионили, сажали въ тюрьмы, четвертовали, жгли на кострахъ: ихъ ученіе точно также требовало безусловнаго повиновенія королямъ и истолкователямъ «божественнаго слова». Безъ сомнѣнія, существуетъ разница между протестантами и католиками: (я говорю о тѣхъ, которые исповѣдуютъ ту или другую религію совершенно искренно, а не по семейнымъ традиціямъ). Послѣдніе наивнѣе и легковѣрнѣе, никакое чудо ихъ не удивляетъ: первые же болѣе разборчивы въ таинствахъ, но съ тѣмъ большимъ упорствомъ держатся они тѣхъ, которыя ими признаны: они видятъ въ религіи личное дѣло, какъ бы творческую работу своего духа. Переставая вѣрить, католикъ перестаетъ быть христіаниномъ; между тѣмъ какъ протестантъ-раціоналистъ, измѣняя толкованіе «божественныхъ словъ», обыкновенно переходитъ только въ новую секту: онъ остается ученикомъ Христа; упорный мистикъ, онъ сохраняетъ иллюзію свободы разума. Народы, также какъ и личности различны въ религіи, которую они исповѣдуютъ и которая болѣе или менѣе проникаетъ ихъ нравственное существо. У протестантовъ, конечно, больше инициативы и систематичности въ поведеніи, но эта послѣдовательность становится неумолимо жестокой.

Вспомните то религіозное рвеніе, съ какимъ сѣверо-американцы отстаивали рабство негровъ, какъ «божественное учрежденіе».

Другое сложное явленіе относится къ великой эволюціонной эпохѣ, кровавыми кризисами которой были американская и французская революціи. О, тогда – по крайней мѣрѣ какъ казалось – перемены произошли исключительно въ интересахъ народа и эти великія историческія даты слѣдуетъ считать, какъ бы освящающими рожденіе новаго человека! Депутаты конвента хотѣли начать исторію съ перваго дня своей конституціи, какъ будто предшествующихъ вѣковъ не было вовсе и будто человекъ-гражданинъ дѣйствительно могъ считать началомъ своего существованія моментъ провозглашенія своихъ правъ. Дѣйствительно, этотъ періодъ былъ великой эпохой въ жизни націй, несбыточныя надежды овладѣли тогда міромъ, освобожденная мысль поднялась на такія высоты, какихъ никогда не достигала прежде, науки возродились, геній открытій безконечно расширилъ границы міра и никогда не появлялось такого множества людей, одушевленныхъ новымъ идеаломъ, готовыхъ ради него беззаветно жертвовать своею жизнью. Но эта революція, какъ мы знаемъ это теперь, была вовсе не революціей всего народа, это была революція извѣстныхъ слоевъ общества исключительно въ ихъ интересахъ. Права человека остались чисто теоретическими: провозглашенная одновременно съ ними гарантія частной собственности сдѣлала ихъ призрачными. Новый классъ жадныхъ хищниковъ принялся за дѣло накопленія богатствъ, буржуазія заняла мѣсто отжившаго класса, стараго дворянства, уже зараженнаго скептицизмомъ и настроеннаго пессимистически, и новопришельцы стали эксплуатировать неимущіе классы съ такимъ усердіемъ и умнѣемъ, какимъ не обладали никогда прежніе правящіе классы. Во имя свободы, равенства и братства совершались всевозможныя злодѣянія. Во имя освобожденія міра, Наполеонъ велъ за собой миллионъ убійцъ; для блага дорогого отечества капиталисты создаютъ громадныя состоянія, строятъ большія фабрики, организуютъ могущественныя синдикаты, (монополіи), воскрешая въ новой формѣ прежнее рабство.

Кто не хочетъ ограничиваться словами, тотъ долженъ основательно узнать и вообще критически отнестись къ людямъ, заявляющимъ о своей преданности дѣлу революціи. Недостаточно крикнуть кому-нибудь: Революція! Революція! чтобы мы тотчасъ же пошли за нимъ, только потому, что онъ захотѣлъ вести насъ. Вполнѣ естественно, когда невѣжда слѣдуетъ своему инстинкту: разъяренный быкъ бросается на красныя лоскуты и постоянно угнетаемый народъ бросается на перваго встрѣчнаго, котораго ему укажутъ. Всякая революція хороша поскольку она направлена противъ гнета со стороны одной личности или цѣлаго строя; но если она ведетъ къ установленію новаго деспотизма, то можно спросить себя: не лучше ли направить ее по другому пути. Настало время сознательнаго примѣненія своихъ силъ: эволюціонисты, придя къ ясному

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org сознанию, что именно они хотят осуществить в ближайшую революцию, не ставят себя задачей поднять недовольных и произвести смуту без цели и плана.

Можно сказать, что до сих пор ни одна революция не была проведена вполне сознательно, и потому ни одна из них не увенчалась полным успехом. Все эти великие движения, без исключения были почти бессознательными актами со стороны вовлеченных в них масс и если революции и происходили успешно, то только благодаря искусству вожаков, сумевших сохранить хладнокровие и больше или меньше руководить ими. Реформацию провел и воспользовался выгодами от нее лишь один общественный класс, и французскую революцию совершил также один класс, выставивший на систематической разстрел масс несчастных, которые послужили лишь для того, чтобы доставить ему победу, и извлекающей теперь все выгоды от революции. Еще в наши дни «четвертое сословие» игнорируя крестьян, заключенных, бродяг, безработных и всевозможных отщепенцев, не впадает ли также в ошибку, считая себя особым классом и работая не для всего человечества вообще, но для своих избирателей, кооперативных союзов и лиц, доставляющих им средства.

Всякая революция имеет свое сегодня и свое завтра. Сегодня народ толкают в бой, завтра будут призывать его к благоразумию; сегодня его уверяют, что возстанье есть священнейший долг, а завтра будут проповедывать, что «наилучшая республика – есть королевство», или, что высшее самопожертвование состоит в том, чтобы «перенести три несчастных месяца, ради общественного блага», или, пожалуй еще лучше, что никакое оружие не может заменить избирательного билета. Поток истории с периодическими революциями похож на реку, запружаемую время от времени плотинами. Каждое правительство, каждая победившая партия стремится в свой черед запрудить этот поток, чтобы утилизировать его возможно больше для своих мельниц. Надежды реакционеров и заключаются именно в том, что так будет всегда и что народ, подобно стаду баранов, позволит постоянно сбивать себя с своей дороги и одурачивать при посредстве солдат, или краснобаев адвокатов.

Этот вечный круговорот, который раскрывает нам в прошедшем ряды революций, частью неудавшихся, безконечную работу следующих друг за другом поколений, подобно безконечным волнам, безпрестанно ударяющимся в скалу, разбиваясь о нее, – это ирония судьбы, которая показывает, как плетники разбивают свои цепи, чтобы дать заковать себя снова, все это служит причиной великой нравственной смуты и среди своих товарищей нам приходилось видеть таких, которые утратив надежду и утомившись до битвы, складывали руки и отдавались на произвол судьбы, покидая своих братьев. Вот чего они не знали, или знали на половину, т. е. ясно еще не видели того пути, по которому должны были идти, или вернуться, они надеялись, что судьба, подобно попутному ветру, надуваемому парусу корабля, приведет их к цели: они надеялись на успех, не благодаря знанию законов природы или истории, не благодаря своей упорной воле, но благодаря счастливой случайности или руководясь каким-то смутным стремлением, подобно мистикам, которые ступая по твердой земле, воображают, что ими руководит с неба путеводная звезда.

Писатели, проникнутые чувством своего превосходства, глубоко презирающие волнение толпы, обрекают человечество всецело двигаться таким образом в безвыходном, заколдованном кругу. По их мнению, толпа совершенно не способна к самостоятельному мышлению, и неизбежно поддается демагогам, которые, преследуя свои интересы, направляют массы от прогресса к реакции и обратно. Действительно, в массе индивидов, тесно сплоченных друг с другом, легко создается общая всем душа, всецело подчиняющаяся одной страсти, проявляющаяся в одних и тех же криках энтузиазма или отчаяния, – это как бы одно существо с тысячей голосов, безумных от любви или ненависти. В течение нескольких дней, нескольких часов водоворот событий увлекает одну и ту же толпу к самым противоположным проявлениям – восторга или проклятия. Те из нас, которые сражались за коммуны, знают эти страшные приливы и отливы народных волн. Когда мы отправлялись на баррикады, нас провожали трогательными приветствиями, слезами восторга в глазах, женщины нежно махали платками. Но как принимали тех из вчерашних героев, которые избежали смерти, возвращались, как плетники, окруженные солдатами. Во многих кварталах толпа состояла из тех же самых людей, но какой полнейший контраст в ее чувствах и настроениях! Какие негодующие крики и проклятия. Сколько дикой

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org
ненависти въ ея словахъ: «Смерть! Смерть! Разстрѣлять ихъ. На гильотину!»!

Однако бываетъ толпа и толпа, и коллективное сознание, слагающееся изъ тысячи индивидуальныхъ, хотя бы и слѣдовало полученному импульсу, все же болѣе или менѣе ясно даетъ себѣ отчетъ, по характеру своей эмоціи, дѣйствительно ли хорошо то, что совершено. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ прогрессомъ челоѣчества увеличивается число людей, сохраняющихъ сильно развитую индивидуальность и остающихся самими собою, со своими собственными убѣжденіями и самостоятельнымъ образомъ дѣйствій.

Иногда такихъ людей, думающихъ болѣе или менѣе одинаково, самихъ бываетъ достаточно, чтобы составить цѣлое собраніе, настроенное единодушно и съ одинаковыми стремленіями; безъ сомнѣнія безсознательные инстинкты и привычки могутъ и здѣсь выступить наружу, но только на время, и личное достоинство беретъ верхъ. Обыкновенно такія собранія, члены которыхъ уважаютъ другъ друга, очень отличны отъ крикливыхъ собраній массъ, способныхъ опускаться до звѣрства. По своей численности они представляютъ какъ бы толпу, но по той выдержанности, которую они проявляютъ – это группа личностей, остающихся вполнѣ самими собою, съ своими собственными убѣжденіями, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ цѣломъ, какъ бы высшее существо, сознающее свою волю и осуществляющее ее въ своей работѣ. Часто сравниваютъ толпу съ войскомъ, которое смотря по обстоятельствамъ или увлекается охватывающимъ всѣхъ безумнымъ героизмомъ или обращается въ бѣгство въ паническомъ страхѣ. Но въ исторіи не мало примѣровъ такихъ сраженій, въ которыхъ люди смѣлые и рѣшительные борются до конца совершенно сознательно и съ непреклонной рѣшимостью.

Конечно, колебанія толпы имѣютъ мѣсто, но въ какой мѣрѣ? Что бы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо обратиться къ событіямъ. Для того, чтобы констатировать процессъ, слѣдовало бы установить: на сколько увеличилось въ историческомъ направленіи, не заботясь ни объ одобреніи, ни о порицаніи толпы. Но подобная статистика тѣмъ болѣе невозможна, что даже среди новаторовъ не мало такихъ, которые являются таковыми только на словахъ, въ дѣйствительности же легко даютъ увлечь себя окружающимъ ихъ мыслящимъ молодымъ товарищамъ. Съ другой стороны много такихъ, которые изъ гордости и тщеславія стараются казаться непоколебимыми, какъ скала передъ потокомъ событій, но однако теряютъ почву подъ ногами и помимо воли мѣняютъ свой образъ мыслей и свою рѣчь. Кто же теперь въ откровенной бесѣдѣ не признаетъ себя социалистомъ? Хотя бы уже по тому, что онъ старается отдать себѣ отчетъ въ аргументахъ противника, онъ долженъ честно понять ихъ, до извѣстной степени даже раздѣлить ихъ и ввести въ общее понятіе объ обществѣ, отвѣчающее его идеалу совершенства. Сама логика требуетъ усвоенія чужихъ мыслей и дополненія ими своихъ.

Мы революціонеры должны дѣйствовать подобнымъ же образомъ. Мы также должны стараться понять совершенно искренно и правдиво всѣ идеи нашихъ противниковъ, мы должны сдѣлать ихъ своими, но придавая имъ истинный ихъ смыслъ. Всѣ запоздалыя разсужденія нашихъ оппонентовъ съ ихъ устарѣлыми доводами, конечно, найдутъ себѣ надлежащее мѣсто, но не въ будущемъ, а въ прошломъ. Они принадлежатъ философіи исторіи.

III.

Періодъ чисто инстинктивныхъ движеній теперь уже миновалъ: революціи не будутъ уже совершаться случайно, потому что прогрессъ становятся все болѣе и болѣе сознательнымъ и разумнымъ. Животное или ребенокъ всегда кричитъ, когда его бьютъ, и вообще реагируетъ извѣстнымъ движеніемъ или ударомъ: такъ и мимоза складываетъ свои листья отъ всякаго вѣшняго раздраженія; но отъ этихъ непривольныхъ движеній далеко еще до систематической и упорной борьбы противъ гнета. Народамъ прежде казалось, что событія слѣдуютъ одни за другими безъ всякаго порядка, но они наконецъ научились познавать связь между ними и ихъ неумолимую логику, они начинаютъ понимать, что и имъ также слѣдуетъ держаться извѣстнаго образа дѣйствій, чтобы выйти побѣдителями. Соціальная наука, указывающая причины рабства и какъ противовѣсь – средства освобожденія, понемногу освобождается отъ хаоса противорѣчивыхъ мнѣній.

Первый фактъ, разъясненный этой наукой тотъ, что никакая революція не можетъ совершиться безъ предшествующей ей эволюціи. Конечно, древняя исторія рассказываетъ намъ о множествѣ такъ называемыхъ «дворцовыхъ революцій», т. е. о замѣнѣ одного короля другимъ, какого либо министра или

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org фаворитки другимъ совѣтникомъ или новой фавориткой. Но подобныя перемѣны, неимѣющія ровно никакого общественнаго значенія и касающіяся въ дѣйствительности только отдѣльныхъ личностей, могли совершаться безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны народныхъ массъ: для этого оказывалось достаточно, чтобы нашлся наемный убійца съ хорошо отточеннымъ кинжаломъ, и тронъ будетъ имѣть новаго замѣстителя. Безъ сомнѣнія, прихоть короля могла тогда вовлечь королевство и толпу подданныхъ въ непредвидѣнныя авантюры, но народу, привыкшему къ послушанію и покорности, оставалось только сообразоваться съ желаніями свѣше: онъ не пытался выразить свое мнѣніе о дѣлахъ, которыя ему казались неизмѣримо выше его ограниченной компетенціи. Точно также въ странѣ, которую оспаривали другъ у друга двѣ враждебныя династіи съ своими аристократическими и буржуазными кліентами, кажущіяся революціи могли совершаться при помощи убійствъ: такой заговоръ убійцы, благопріятствуемый успѣхомъ, передавалъ тронъ другому лицу, измѣняя личный составъ правительства; но какое значеніе имѣетъ это для угнетеннаго народа. Наконецъ, въ такомъ государствѣ, гдѣ основаніе власти было нѣсколько расширено существованіемъ оспаривавшихъ главенство классовъ, стоявшихъ надъ безправной толпой, заранѣе обреченной на полное подчиненіе торжествующему классу, еще возможны уличныя битвы, сооруженіе баррикадъ и провозглашеніе временнаго правительства въ городской ратушѣ.

Но новыя попытки въ этомъ направленіи едва ли могутъ удасться въ нашихъ городахъ, обращенныхъ въ укрѣпленный лагерь, съ казармами и цитаделями; уже послѣднія «революціи» въ этомъ родѣ имѣли только временный успѣхъ. Такъ въ 1848 г. Франція шла лишь прихрамывая за тѣми, кто провозгласилъ республику, не зная, что они понимали подъ этимъ словомъ, и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы повернуть въ другую сторону. Масса крестьянъ, съ мнѣніемъ которыхъ не справлялись, но которая тѣмъ не менѣе все же заявила его – правда неясно, темно, неопредѣленно, но все же съумѣла выразить что пока эволюція крестьянства не совершилась – оно не хочетъ революціи, которая тѣмъ самымъ оказалась преждевременной; едва прошло три мѣсяца со времени революціоннаго взрыва, какъ масса избирателей возстановила старый порядокъ въ его традиціонной формѣ, къ которому еще тяготѣли ихъ рабскія души: такъ вычное животное по привычкѣ подставляетъ свою надорванную спину подъ новую тяжесть. Точно такъ же революція коммуны, столь удивительно удавшаяся и неизбѣжно вызванная обстоятельствами, очевидно, не могла восторжествовать, потому что она была совершена только половиной Парижа и опиралась во всей Франціи только на промышленные центры: начавшійся отливъ затопилъ ее въ морѣ крови. Теперь уже недостаточно повторять старыя формулы *vox populi, vox Dei*, и испускать воинственные крики, развѣвая въ воздухѣ знаменами. Достоинство гражданина можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ потребовать отъ него, чтобы онъ воздвигалъ баррикады, защищалъ свою страну, свой городъ или свою свободу; но онъ не долженъ воображать, что хотя бы малѣйшій вопросъ могъ быть отданъ на невѣрное рѣшеніе ружейныхъ пуль.

Преобразование должно совершиться въ головахъ и сердцахъ прежде чѣмъ напрячь мускулы и превратиться въ историческій феноменъ. Однако, что вѣрно относительно прогрессивной революціи, не менѣе вѣрно и относительно революціи регрессивной или контръ-революціи. Конечно партія, захватившая правительственную власть, располагающая высшими должностями, почетомъ, деньгами и общественной силой, можетъ причинить очень много зла и въ извѣстной степени способствовать ослабленію тѣхъ, у которыхъ она узурпировала ее; однако она можетъ воспользоваться своей побѣдой только въ границахъ, опредѣляемыхъ равнодѣйствующей общественныхъ мнѣній, въ иныхъ случаяхъ ей придется отказываться отъ рискованнаго примѣненія уже декретированныхъ мѣръ и законовъ, вотированныхъ собраніями представителей покорныхъ ея волю. Моральное и интеллектуальное вліяніе среды постоянно сказывается на обществѣ въ его цѣломъ, съ одинаковой силой на людяхъ, стремящихся къ господству, какъ и на послушной толпѣ добровольныхъ рабовъ, и въ силу этого вліянія колебанія двухъ концовъ оси могутъ отклоняться въ ту и другую сторону лишь довольно слабо.

Однако, какъ это и свидѣтельствуетъ современная исторія, сама эта ось перемѣщается постоянно вслѣдствіе тысячь частичныхъ измѣненій, происходящихъ въ мозгу людей. Надо обратиться къ самому индивиду къ этой первоначальной клѣточкѣ общества, чтобы найти причины общаго преобразования съ его множествомъ видоизмѣненій, сообразно времени и мѣсту. Если съ одной стороны мы видимъ отдѣльнаго человѣка, подверженнаго вліянію всего общества съ его традиціонной моралью, религіей, политикой, то съ другой мы присутствуемъ при такомъ зрѣлищѣ, когда свободный индивиду, хотя и ограниченный въ пространствѣ и продолжительностью своей жизни, все-таки успѣваетъ оставить

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org отпечатокъ своей личности на окружающемъ міръ, измѣнить его опредѣленнымъ образомъ, открывъ какой-нибудь законъ, создавъ великое произведеніе искусства, или новую, невѣдомую дотолъ машину, а иногда даже бросивъ міру новое слово, которое онъ уже не забудетъ. Не трудно отыскать въ исторіи ясныя слѣды многихъ тысячъ героевъ, о которыхъ извѣстно, что они лично самымъ существеннымъ образомъ содѣйствовали общественному прогрессу.

Очень значительное большинство людей состоитъ изъ личностей, которыя живутъ, какъ растеніе, и нисколько не стараются воздѣйствовать ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ направленіи на среду, въ которой они тонуть, какъ капля воды въ океанъ. Нисколько не желая преувеличить здѣсь дѣйствительное значеніе человѣка, сознательно относящагося къ своимъ поступкамъ и рѣшившаго примѣнять свои силы согласно своему идеалу, мы можемъ сказать навѣрное, что такой человѣкъ представляетъ собой цѣлый міръ по сравненію съ тысячею другихъ, мысль которыхъ находится въ полуоцѣпенѣннѣи или погружена въ глубокій сонъ, и которые бредутъ безъ малѣйшаго внутренняго возмущенія, наприм., въ рядахъ арміи или процессіи пилигримовъ. При подобныхъ обстоятельствахъ воля одного человѣка можетъ столкнуться съ стихійнымъ движеніемъ всего народа. Извѣстны случаи героической смерти при великихъ историческихъ событіяхъ въ жизни народовъ, но еще болѣе значительна была роль личностей, посвятившихъ свою жизнь общественному благу.

Здѣсь необходима особая осторожность, такъ какъ возможно недоразумѣніе и говоря «о лучшихъ людяхъ» легко смѣшивать это слово со словомъ «аристократія», взятомъ въ его обычномъ смыслѣ. Многие писатели и ораторы, въ особенности изъ принадлежащихъ къ тому классу, изъ котораго вербуются лица, облеченныя властью, охотно говорятъ о необходимости призвать къ общественному управленію избранную группу, которую сравниваютъ съ мозгомъ въ человѣческомъ организмѣ. Но что это за «избранная группа», въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи, которая будетъ въ состояніи безапелляционно удерживать въ своихъ рукахъ управленіе народами. Нужно ли еще говорить, что на этотъ вопросъ всѣ тѣ, которые царствуютъ и повелѣваютъ: короли, принцы, министры и депутаты, самодовольно оглядываясь, весьма наивно отвѣчаютъ: «мы эти избранные, мы представляемъ мозговой аппаратъ великаго политическаго тѣла». Сколько горькой ироніи въ этомъ высокомеріи официальной аристократіи, воображающей себя дѣйствительной аристократіей мысли, инициативы умственнаго и нравственнаго развитія. Скорѣе вѣрно обратное, или оно по крайней мѣрѣ содержитъ значительную долю истины: во многихъ случаяхъ аристократія заслуживала названіе «какистократіи», какъ выражается въ своей исторіи Леопольдъ Ранке. Что сказать напримѣръ, о тѣхъ развратныхъ аристократахъ и аристократкахъ, которые толпились въ загородныхъ виллахъ Людовика XV, а въ современную эпоху о самомъ цвѣтѣ французскаго дворянства, показавшемъ себя недавно во время пожара благотворительнаго базара, когда мужчины, спасая свою жизнь, пробивали себѣ дорогу ударами палокъ и сапоговъ въ спины и животы женщинъ.

Безъ сомнѣнія тѣ, которые обладаютъ состояніемъ, имѣютъ большій доступъ къ самообразованію и наукамъ, но въ то же время и большую возможность испортиться и развратиться. Лица, привыкшія къ лести, какими обыкновенно являются (всякій) власть имущіе, будь то императоръ, или начальникъ канцеляріи, легко могутъ быть обмануты и никогда не знаютъ истиннаго положенія дѣлъ. Имъ живется слишкомъ легко, у нихъ нѣтъ возможности самимъ научиться борьбѣ за существованіе, они эгоистически ждуть всего отъ другихъ, угрожаемые опасностью власти въ грубыя излишества и утонченный развратъ, такъ какъ лица самаго порочнаго поведенія ихъ окружаютъ, какъ стая шакаловъ свою добычу, и чѣмъ ниже они падаютъ, тѣмъ значительнѣе становятся въ своихъ собственныхъ глазахъ, привыкнувъ къ грубой лести окружающихъ ихъ: сдѣлавшись скотами, они воображаютъ себя богами и лежа въ грязи, думаютъ, что окружены ореоломъ. А кто тѣ, которые стремятся захватить власть, чтобы замѣстить собою привилегированныхъ избранныхъ по богатству и происхожденію, считая себя новыми избранными, такъ называемой умственной аристократіей? Кто эти политики, ловкіе льстецы уже не королей, а толпы. Одинъ изъ противниковъ социализма и защитникъ того, что называютъ «добрыми принципами», г. Леруа-Болье отвѣтитъ намъ на вопросъ объ этой аристократіи словами, которые въ устахъ анархиста показались бы слишкомъ рѣзкими и несправедливыми: «современныя политики всѣхъ степеней, говоритъ онъ, начиная съ муниципальных совѣтниковъ и кончая министрами, представляютъ собой, взятые въ массѣ, за немногими исключеніями, одинъ изъ наиболее ограниченныхъ и отвратительныхъ классовъ сикофантовъ и куртизановъ, какіе когда либо знало человѣчество. Ихъ единственнымъ стремленіемъ является низкая лестъ, поддержаніе предрасудковъ, которые они

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org въ большинствѣ случаевъ сами раздѣляютъ, не давая себѣ никогда ни времени ни труда на размышленія и наблюденія». Наконецъ, лучшее доказательство того, что «аристократіи» – одна изъ которыхъ держитъ въ своихъ рукахъ власть или старается захватить ее, а другая дѣйствительно состоитъ изъ своихъ «лучшихъ» представителей, не могутъ быть смѣшаны, намъ даетъ исторія своими безконечными кровавыми страницами. Рассматриваемая во всей совокупности лѣтопись человечества, можетъ быть опредѣлена, какъ повѣствованіе о вѣчной, непрерывной борьбѣ между тѣми, которые, сдѣлавшись хозяевами положенія, пользуются властью, добытою цѣлыми поколѣніями своихъ представителей и тѣми, которые рождаются полными энтузіазма и стремленія къ творческой дѣятельности. Обѣ эти группы «лучшихъ» находятся въ безпрестанной войнѣ, и исторической миссіей первыхъ является преслѣдованіе, порабощеніе и убійство вторыхъ. Эти официальные «наилучшіе» – сами боги, которые приковали Прометея къ скалѣ Кавказа и со времени этой мифической эпохи всегда «наилучшіе» т. е. императоры, паны и всевозможные властелины, заключали въ тюрьмы, пытали и жгли новаторовъ и проклинали ихъ произведенія. Палачи всегда состояли на службѣ у этихъ «избранниковъ» рода человеческого. Находятся и ученые, берущіе подъ защиту ихъ дѣло. Не говоря уже объ анонимной толпѣ, которая не умѣетъ мыслить и замыкается въ своихъ привычкахъ, находятся ученые и талантливые люди, которые дѣлаются теоретиками абсолютнаго консерватизма, чтобы не сказать реакціи и которые стараются удержать общество, такъ сказать, остановить его движеніе, какъ будто существуетъ возможность удержать силой то, что находится въ вѣчномъ движеніи, какъ несущіяся въ пространствѣ небесныя тѣла. Эти противники прогресса, ненавидящіе все новое, видятъ во всякомъ новаторѣ, т. е. человѣкѣ мысли и идеала, только сумасшедшаго. Ихъ любовь къ неподвижности общества доводитъ ихъ до признанія политическими преступниками тѣхъ, которые критикуютъ существующее и стремятся къ лучшему. А между тѣмъ они признаются, что разъ новая идея получила право гражданства въ умахъ большинства, ей нужно подчиниться, чтобы не оказаться революционеромъ, выступая противъ общественнаго мнѣнія. Но въ ожиданіи этой неизбѣжной революціи, они требуютъ, чтобы съ адептами ея поступали, какъ съ преступниками и чтобы сегодня наказывали за поступки, которые, завтра будутъ считаться обязанностью каждаго дѣйствительно честнаго человѣка, они бы заставили выпить ядъ Сократа, возвели бы на костеръ Яна Гуса, тѣмъ болѣе на гильотину Бабефа, такъ какъ Бабефъ и въ настоящее время является еще новаторомъ. Они обрекаютъ насъ на всѣ ужасы лишенія общества, не потому, что мы неправы, но потому, что мы несвоевременно правы. Мы живемъ въ вѣкѣ инженеровъ и солдатъ, для которыхъ все должно быть вытянуто въ струнку. «Уравненіе» вотъ лозунгъ этихъ нищихъ духомъ, которые понимаютъ только красоту въ симметріи и жизнь въ мертвой неподвижности.

IV.

«Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», говоритъ одно изъ положеній Интернаціонала. И это положеніе вѣрно въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Если вѣрно, что «избранники» всегда воображали, что они призваны осчастливить народы, не менѣе вѣрно и то, что всякій человѣческой прогрессъ могъ совершиться только благодаря собственной инициативѣ возставшихъ или даже только свободными гражданами. И такъ наша свобода должна быть собственнымъ дѣломъ всѣхъ насъ, чувствующихъ себя угнетенными чѣмъ бы то ни было и солидарными со всѣми оскорбленными и униженными. Но для того, чтобы бороться, нужны знанія. Недостаточно, подобно кимврамъ или тевтонамъ бѣшено броситься въ борьбу съ дикими криками, подъ звуки боевыхъ роговъ. Настало время предвидѣть и рассчитать всѣ перипетіи борьбы, чтобы научно подготовиться къ побѣдѣ, которая должна принести социальный миръ. И первымъ условіемъ триумфа должно быть освобожденіе отъ нашего невѣдѣнія. Намъ нужно умѣть разрушить всѣ предрасудки, устранить всѣ враждебные элементы, всѣ препятствія, а съ другой стороны не забывать ни одного изъ тѣхъ ресурсовъ, которыми можно воспользоваться, ни одного союзника, доставляемаго исторической эволюціей. Мы хотимъ знать. Мы не признаемъ, чтобы наука была привилегіей немногихъ и чтобы люди, находящіеся на вершинѣ горы, какъ Моисей, или на тронѣ, какъ стоикъ Маркъ Аврелій, на Олимпѣ или картонномъ Парнасѣ и просто даже въ академическомъ креслѣ, предписывали намъ поведеніе, хвастаясь знаніемъ вѣчныхъ законовъ. Конечно, между этими людьми, священнодѣйствующими на своихъ высотахъ, находятся такіе, которые могутъ переводить довольно сносно съ китайскаго, разбирать письма временъ каролинговъ, изучать пищеварительные аппараты клоповъ, но и между нашими друзьями находятся люди, знающіе это, которые однако не претендуютъ поэтому на управленіе нами. Кромѣ того, уваженіе, которое мы питаемъ къ этимъ людямъ не должно нисколько мѣшать намъ свободно обсуждать

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org рѣчи, съ которыми тѣ благоволятъ обращаться къ намъ со своихъ высотъ. Мы не подчиняемся декретированной истинѣ, мы пріобщаемся къ ней только посредствомъ изученія и критики и научаемся устранять всякое заблужденіе, хотя бы оно и было признано официальной наукой.

И сколько разъ темному народу приходилось признаваться, что его ученые воспитатели могли научить его только покорно и радостно идти на бойню, подобно праздничному быку, рога котораго украшали гирляндами изъ золоченой бумаги.

Дипломированные профессора пытаются описать намъ всѣ прелести и выгоды, которыя представляетъ правительство, состоящее изъ такихъ высокопоставленныхъ личностей, какъ и они сами. Философы, какъ наприкладъ Платонъ, Гегель, Огюсть, Контъ гордо требовали права на управленіе міромъ. Писатели и ученые, какъ Гонорэ Бальзакъ и Густавъ Флоберъ, если стоить только упоминать о покойникахъ, также требовали этого права для всякаго генія, т. е., другими, словами для самихъ себя. Совершенно не стѣсняясь говорили о «правительствѣ мандариновъ». Да избавить насъ судьба отъ такихъ правителей, влюбленныхъ въ самихъ себя и полныхъ презрѣнія ко всѣмъ представителямъ «презрѣннаго большинства», или «гносной буржуазіи». Въ ихъ славной персоне не было ничего, достойнаго ихъ вниманія и, не считая приближенныхъ къ нимъ, все остальное казалось имъ только мимолетной тѣнью. А между тѣмъ ихъ книги, не смотря на весь ихъ талантъ, намъ доказываютъ, что эти геніи были весьма посредственными пророками: никто изъ нихъ не понималъ будущаго лучше, чѣмъ послѣдній изъ пролетаріевъ, и не въ ихъ школь намъ придется учиться бороться за наше право. Въ этомъ отношеніи самый послѣдній и мало извѣстный изъ рядовыхъ борцовъ можетъ намъ быть гораздо полезнѣе.

Тѣ крупинки знанія, которыя мы имѣемъ изъ исторіи, указываютъ уже намъ, что настоящее полно безконечныхъ злоупотребленій, которыхъ возможно было бы избѣжать. Тѣ безпрестанныя и повторяющіеся опустошенія, которыя производитъ современный социальный режимъ, значительно превосходятъ все то, что могутъ произвести непредвидѣнныя явленія въ природѣ: наводненія, циклоны, землетрясенія и изверженія пепла и лавы. Трудно понять, какъ неизлѣчимые оптимисты, которые вопреки всему утврждаютъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, могутъ закрывать глаза на ужасное, невыносимое положеніе миллионвъ людей, нашихъ братьевъ. Различныя стихійныя несчастья экономическаго, политическаго, административнаго, или военнаго порядка, которыя поражаютъ такъ называемыя цивилизованныя общества, не говоря уже о племенахъ дикарей, имѣютъ безконечное число жертвъ, а тѣ счастливыя, которыхъ эти бѣдствія не затрогиваютъ, какъ будто не замѣчая эти безчисленныя гекатомбы, стараются устроиться какъ можно лучше и спокойнѣе, какъ будто бы всѣ эти бѣдствія не являются осязательной дѣйствительностью!

Развѣ не правда, что миллионы людей въ Европѣ, носящіе военный мундиръ, должны цѣлыми годами забывать о своемъ правѣ говорить и мыслить вслухъ, принять рабскія привычки и подчинить свою волю начальству и дойти до такого состоянія, чтобы безпрекословно стрѣлять въ своего отца или мать, если того потребуетъ какой-нибудь слабоумный деспотъ?

Не правда ли также, что другіе миллионы людей, принадлежащіе болѣе или менѣе къ правительственному механизму, также подчинены и принуждены гнуть шею передъ однимъ, подчинить себя другимъ и вести какое то условное искусственное существованіе, совершенно бесполезное для прогресса? Не видимъ ли мы также, какъ ежегодно миллионы такъ называемыхъ преступниковъ, нищихъ, бродягъ и безработныхъ запираютъ въ тюрьмы, подвергая ихъ всѣмъ ужасамъ одиночнаго заключенія. И, какъ слѣдствіе этихъ прекрасныхъ политическихъ (социальныхъ) учрежденій, не поддерживается ли ненависть людей другъ къ другу, народа къ народу, касты къ кастѣ? Не находится ли общество въ такомъ положеніи, что не смотря на усилія и самопожертвованія многихъ истинныхъ друзей человечества, голодный можетъ легко умереть съ голода на улицѣ въ виду булочной, а чужестранецъ можетъ очутиться одинокимъ и покинутымъ всѣми, безъ друга, среди сутолоки громаднаго города, населеннаго миллионами людей братьевъ? Мы живемъ не на вулканѣ, а въ самомъ вулканѣ, въ какомъ то мрачномъ аду, и если бы у насъ не было вѣры въ лучшее будущее, не было бы непоколебимаго желанія жить и бороться за него, что оставалось бы дѣлать намъ, какъ не умереть, какъ это и совѣтуютъ намъ, впрочемъ не рѣшаясь на это, сами столько жалкихъ писаекъ и какъ это дѣлаютъ увеличивающееся съ каждымъ годомъ число, цѣлые легіоны, отчаявшихся въ жизни? И такъ, съ самага начала для насъ открываются новые элементы истиннаго познанія: нашъ

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org соціальний строй со всіми его ужасами. «Познать страданія» таковъ первый параграфъ закона Будды. И мы познали страданія. Мы его познали на столько хорошо, что въ мануфактурныхъ округахъ Англіи болѣзнь называютъ отдыхомъ: чувствовать себя изнуреннымъ болѣзню является чуть ли не удовольствіемъ для раба, принужденнаго къ насильственному труду на фабрикъ. Но какъ «избѣгнуть страданія», что составляетъ вторую стадію познанія, по ученію Будды? Мы начинаемъ узнавать и это, благодаря изученію прошлаго. Исторія, какъ бы далеко мы не заходили въ глубь вѣковъ, какъ бы тщательно мы ни изучали общество и народы цивилизованные или варварскіе, живущіе подъ полицейской ферулой, или примитивные – исторія насъ учитъ, что всякое повиновеніе есть отреченіе отъ самого себя, что всякое рабство есть преждевременная смерть, она насъ также учитъ, что всякій совершающійся прогрессъ прежде всего осуществляется во все большемъ и большемъ освобожденіи личности, въ равенствѣ и все большемъ согласіи между собой гражданъ; что всякій вѣкъ новыхъ открытій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкомъ, во время котораго политическая и религіозная власть слабѣли и когда человѣческая мысль, пробивалась впередъ изъ замыкающихъ ее оковъ, какъ пробивается изъ разщелины скалы нѣжный пучекъ зелени. Великія эпохи творческой мысли и искусства, которыя наступаютъ послѣ продолжительныхъ перерывовъ, эпоха афинская, эпоха Возрожденія и наша современная развились благодаря той безконечной борьбѣ и «безпрестанной анархіи», которыя дали хотя только энергичнымъ людямъ возможность бороться за ихъ свободу.

Въ какомъ бы зачаточномъ состояніи не находилось наше знаніе исторіи – одинъ фактъ рѣзко выдѣляется на фонѣ современной жизни, и является характернымъ признакомъ нашей эпохи: это всемогущество денегъ. Нѣтъ такого мужика въ отдаленнѣйшемъ углу нашей родины, которому не было бы извѣстно имя короля биржи, который повелѣваетъ королямъ и принцамъ; нѣтъ ни одного, которому онъ не рисовался бы въ образѣ бога, предписывающаго свою волю всему міру. И конечно, наивный мужичекъ едва ли ошибается. Развѣ не правда, что только кучка еврейскихъ и христіанскихъ банкировъ, управляють шестью великими державами, заставляють бѣгать за собой королей и ихъ посланниковъ, и предписываетъ въ своихъ конторахъ свою волю, съ которой долженъ считаться правитель? Сидя въ своихъ дворцахъ, они являются зрителями великой драмы, которая разыгрывается по ихъ волю, гдѣ сами народы являются главными актерами, и которыя сопровождаются пушечнымъ громомъ и шумомъ битвъ, гдѣ кровь льется рѣкою. Теперь они самодовольно могутъ устраивать свои филліальныя отдѣленія въ кабинетахъ министровъ, во внутреннихъ покояхъ королевскихъ дворцовъ и руководить, по своему усмотрѣнію, политикой государствъ, согласно съ интересами ихъ лавки.

Въ согласіи съ новымъ государственнымъ правомъ Европы, они подчинили себѣ Грецію, Турцію, Персію – протянули руки къ Китаю и готовятся взять на откупъ всѣ другія большія и малыя государства міра. «Не будучи принцами и не желая быть царями», они держатъ въ рукахъ символическій денежный значекъ, передъ которымъ міръ падаетъ ницъ.

Другой исторической и столь же яркій фактъ бросается въ глаза всякому наблюдателю, фактъ, который доводитъ людей, у которыхъ чувство преобладаетъ надъ разумомъ, до отчаянія – это то, что всѣ человѣческія учрежденія, всѣ соціальныя организмы, которыя стараются сохраниться безъ измѣненія, должны, уже въ силу своей инертности, породить консерваторовъ и злоупотребленія, паразитовъ и эксплуататоровъ всевозможныхъ родовъ и видовъ и сдѣлаться центромъ всеобщей реакціи. При этомъ безразлично, самага древняго ли происхожденія, эти учрежденія, начало котораго теряется въ глубинѣ вѣковъ античнаго міра, и въ древнихъ легендахъ и мифахъ, или они появились вслѣдствіе народныхъ возстаній и революцій, они, во всякомъ случаѣ, осуждены ограничивать творческую мысль и свободу личности и личной инициативы въ соотвѣтствіи съ неизмѣнностью своего устава; для этого достаточно самага факта ихъ существованія. Еще болѣе странно противорѣчіе, создаваемое даже революціонными актами, положившими начало новому идеальному учрежденію – между замысломъ его и его практикой. При его основаніи отовсюду раздавались клики: Свобода! Свобода! и гимнъ: «смерть тиранамъ» разносился по всѣмъ улицамъ; но «тираны» появились снова и появились лишь вслѣдствіе рутины вновь образовавшейся іерархіи и реакціоннаго духа, который постепенно овладѣваетъ всякимъ учрежденіемъ. И чѣмъ долѣе таковое существуетъ, тѣмъ оно опаснѣе, такъ какъ оно наконецъ пропитываетъ гнилью всю почву, на которой создано и заражаетъ даже окружающую его атмосферу: тѣ заблужденія, которыя оно поддерживаетъ и освящаетъ, тѣ извращенныя мысли и чувства, которыя оно оправдываетъ и навязываетъ, пріобрѣтають въ концѣ концовъ тотъ характеръ древности и даже

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org святости, что лишь немногие осмеливаются нападать на них, каждый новый вѣкъ его существованія только увеличиваетъ его авторитетъ и хотя, въ концѣ концовъ, оно все-таки должно пастъ и исчезнуть, какъ все на свѣтъ, однако это происходитъ лишь вслѣдствіе постоянно увеличивающагося противорѣчія со всѣми новыми окружающими его фактами жизни. Возьмемъ въ примѣръ самое старое изъ всѣхъ учрежденій, царскую власть, которая предшествовала даже религіознымъ учрежденіямъ, такъ какъ существовала еще до появленія чловѣка, среди многихъ видовъ животныхъ. И какъ огромно было во всѣ времена вліяніе на умы этой мнимой необходимости – имѣть надъ собою властелина! Сколько было во Франціи лицъ, которыя считали себя созданными лишь для того, чтобы ползать у ногъ своего короля, въ эпоху, когда Ля-Бозти писалъ свою книгу «Противъ одного», сочиненіе столь яркое по своей удивительной логичности, соединенной съ простотою изложенія? Въ моей памяти живо еще то глубокое недоумѣніе, которое вызывало въ крестьянахъ въ 48 году провозглашеніе «Республики»; «а все таки нужно короля!» повторяли они на перерывѣ другъ за другомъ. И они скоро нашли другого господина, безъ котораго существованіе казалось имъ невысказанно: повидимому въ ихъ воображеніи политической строй міра долженъ былъ соответствовать ихъ представленію о семьѣ, въ которой господствовало безпрекословное повиновеніе, грубая сила и насиліе. Имѣя эту грубую власть въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ постоянно передъ своими глазами, они были безсильны представить себѣ возможность иного существованія, а съ другой стороны наслѣдственныя привычки рабства, такъ глубоко проникли въ клѣтки ихъ крови, нервовъ и мозга, что несмотря на всю очевидность совершившагося политическаго переворота, они не хотѣли понять этой городской революціи, которой вмѣстѣ съ тѣмъ не соответствовала эволюція умовъ въ деревнѣ.

Къ счастью сами цари стараются о томъ, чтобы разрушить мифы ихъ божественнаго происхожденія, они уже не прячутся въ невѣдомыхъ и скрытыхъ отъ глазъ простаго смертнаго высотахъ, спустившись съ нихъ они являются теперь глазамъ всего міра, вопреки, быть можетъ, своей собственной воли, такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, со всѣми ихъ недостатками капризами и смѣшными сторонами; ихъ лорнируютъ и разсматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Они отражаются на пластинкахъ моментальной фотографіи и воспроизводятся подъ катодными лучами, позволяющими видѣть ихъ насквозь. Они перестаютъ быть недоступными властелинами, и превращаются въ простыхъ смертныхъ, окруженныхъ низкою лестью однихъ, ненавистью, насмѣшкой и презрѣніемъ другихъ. Поэтому то и стараются реставрировать «монархическій принципъ» и вдохнуть въ него по возможности новую жизнь. Теперь королевская власть становится отвѣтственной, короли дѣлаются «гражданами», олицетворяя въ своей особѣ «лучшую изъ республикъ», и хотя эти жалкія заплаты и не особенно остроумны, все таки въ нѣкоторыхъ странахъ они пользуются продолжительнымъ успѣхомъ: столь медленная эволюція идеи, которая должна раньше породить частичную революцію, чтобы могла наконецъ совершиться полная логически послѣдовательная революція всего.

Подъ какими бы безчисленными формами не являлось государство, будь оно хотя самое популярное, все же, основанное въ сущности на принципѣ подчиненія капризамъ одного лица, она имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ограниченіе или даже совершенное устраненіе частной инициативы подданнаго, такъ какъ по необходимости только единичныя лица являются его представителями, а эти лица, уже въ силу того, что облечены властью и даже по самому смыслу слова «правительство» менѣе ограничены въ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей и желаній, чѣмъ вся масса управляемыхъ ими индивидовъ.

Другія учрежденія, именно учрежденія съ религіозными цѣлями, на столько подчинили себѣ умы людей, что многіе даже изъ свободомыслящихъ историковъ вѣрили въ абсолютную невозможность для людей освободиться отъ ихъ вліянія. Дѣйствительно образъ Бога, который въ воображеніи народовъ царитъ въ небесахъ надъ всѣмъ міромъ, не такъ-то легко разрушить. И хотя религіозныя учрежденія въ послѣдовательномъ развитіи чловѣчества появились послѣ политическихъ учрежденій и священники послѣ начальниковъ, и хотя дѣйствительность всегда предшествуетъ вымышленнымъ образамъ, однако то исключительное значеніе, которое придали этому обману, сдѣлало его родоначальникомъ всякой земной власти, и придали ему исключительный священный характеръ: люди обращаются къ верховной и таинственной силѣ «невѣдомаго Бога» со страхомъ и трепетомъ, который подавляетъ всякую самостоятельную мысль, всякую попытку критическаго отношенія къ ней.

Только обожаніе – вотъ единственное чувство, которое допускается

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org
священниками для вѣрующихъ.

Чтобы овладѣть самимъ собой, чтобы завоевать свое право на свободное мышленіе, человекъ независимый, будь онъ атеистомъ или еретикомъ – долженъ былъ напечь всю свою энергію, всѣ свои силы, и исторія рассказываетъ намъ, сколькихъ усилій стоило это ему въ мрачныя эпохи духовнаго владычества среднихъ вѣковъ. Теперь «богохульство» не считается уже тягчайшимъ изъ преступленій, но въ умахъ безчисленныхъ массъ народа еще далеко не разсѣяны суевѣрія, вкоренявшіеся вѣками.

И они продолжаютъ существовать, измѣняясь и приноравливаясь ежедневно къ измѣнившимся условіямъ и уступая все болѣе и болѣе выводамъ науки, къ которой тѣмъ не менѣе имѣютъ смѣлость относиться съ видимымъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. И эти измѣненія, представляющія хитрую смѣсь старой лжи съ новыми истинами, лишь помогаютъ Церкви и вообще всѣмъ религіознымъ учрежденіямъ удерживать свою власть надъ умами и управлять совѣстью вѣрующихъ. Пусть мыслящіе люди никогда не забываютъ, что враги ихъ являются одновременно, въ силу своего существованія и положенія, также врагами всякихъ свободъ. Всѣ автократы сошлись на необходимости сдѣлать религію краеугольнымъ камнемъ своего храма. И лишь народный Самсонъ будетъ въ состояніи потрясти колонны его!

А что сказать о нашихъ юридическихъ учрежденіяхъ? Ихъ представители подобно священникамъ любятъ считать себя непогрѣшимыми, и даже единодушному общественному мнѣнію не всегда удается вырвать изъ ихъ рукъ и оправдать несправедливо осужденнаго человека. Представители власти ненавидятъ и боятся выпущеннаго изъ тюрьмы человека, который можетъ бросить справедливо въ лицо ихъ обвиненія въ своей разбитой, благодаря ихъ жестокости, жизни, за тотъ гнетъ общественнаго презрѣнія, который они наложили на него. Безъ сомнѣнія, они не претендуютъ быть представителями божества, но развѣ судъ – абстрактное понятіе справедливости, – не символизируется изображеніемъ богини, статуи которой возвышаются во всѣхъ дворцахъ? Но подобно прежнимъ абсолютнымъ властелинамъ и магистратъ въ наше время не представляется уже такой недостижимой особой. Теперь они произносятъ свои приговоры отъ имени народа, но подъ предлогомъ защиты общественной нравственности, они тѣмъ не менѣе обладаютъ возможностью быть жестокими, приговаривать невинныхъ къ каторгѣ и оправдывать преступника, если онъ занимаетъ высокое положеніе въ обществѣ. Въ его рукахъ мечъ закона и ключи тюрьмы: онъ можетъ и любить мучить еще не осужденнаго морально и физически предварительнымъ заключеніемъ, угрозами и предательскими обѣщаніями обвинителя, такъ называемаго судебного «слѣдователя»: онъ воздвигаетъ гильотины и избобрѣтаетъ орудія пытки; онъ воспитываетъ цѣлый штатъ полицейскихъ и шпионовъ, агентовъ нравовъ – и изъ ихъ представителей во имя «защиты общества» образуется тотъ отвратительный міръ низкой, грубой мести и насилія, который представляютъ собой эти учрежденія.

Другимъ подобнымъ учрежденіемъ является армія, понятіе о которой смѣшивается съ представленіемъ о «вооруженной націи» у тѣхъ народовъ, гдѣ требованія свободы настолько сильны, что правители ихъ принуждены обманомъ отстаивать это учрежденіе. Но мы горькимъ опытомъ убѣдились, что если личность солдата обновилась, то рамки, въ которыхъ онъ долженъ двигаться, остались тѣ же и принципы учрежденія не измѣнились. Людей теперь не покупаютъ въ Швейцаріи или въ Германіи, это уже не страшные «ландскнехты» и «рейтеры», но развѣ отъ этого солдаты болѣе свободны? 500.000 «интеллигентныхъ штыковъ», изъ которыхъ состоитъ армія Французской Республики имѣютъ ли право проявлять эту интеллигентность, когда капраль, сержантъ или всѣ другіе высшіе представители военной іерархіи приказываютъ: «молчаніе въ рядахъ»! Такова военная формула – молчать должна даже сама мысль, и найдется ли хоть одинъ офицеръ, вышедшій изъ школы или же обучавшійся въ полку, который позволитъ, чтобы всѣ эти вытянувшіеся въ струнку передъ нимъ головы, осмѣлились мыслить иначе, чѣмъ онъ самъ. Его воля руководитъ всей этой коллективной массой, которая двигается взадъ и впередъ по мановенію его руки или по одному только взгляду. Онъ командуетъ: они должны повиноваться «На прицѣль! Пли!» и они должны стрѣлять въ тонкинца, негра, бедуина или въ парижанина, будь то другъ, или недругъ! «Молчаніе въ рядахъ»! И если каждый годъ армія пожираетъ все новыя толпы людей, которые превращаются въ манекеновъ, какъ того требуетъ принципъ дисциплины, не тщетная ли надежда ждать реформъ, улучшенія въ этомъ ужасномъ режимѣ, въ которомъ подавляются всѣ безправныя?

«Моя армія, мой флотъ» говоритъ императоръ Вильгельмъ, и пользуется всякимъ

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org случаемо, чтобы повторять своимъ солдатамъ и морякамъ, что они его вещь, что они принадлежатъ ему и физически и морально, и что они не должны смущаться ни на минуту стрѣлять въ отца или мать, если ихъ властелинъ укажетъ имъ эту живую цѣль. Вотъ что значитъ говорить ясно. По крайней мѣрѣ эти чудовищныя слова имѣютъ то достоинство, что они ясно выражаютъ ту автократическую мысль, что наше общество таковое, какъ оно есть, есть божественное учрежденіе. И если въ Соединенныхъ Штатахъ, или въ свободной Гельвеціи главнокомандующій не осмѣливается произносить подобныхъ рѣчей, онъ тѣмъ не менѣе, руководится ихъ смысломъ и когда приходитъ время, онъ примѣняетъ ихъ дословно. Въ «великой» Американской Республикѣ президентъ Макъ Кинлей наградилъ чиномъ генерала – героя, который примѣнялъ къ своимъ филиппинскимъ плѣнникамъ «пытку водой» и отдалъ приказъ на островѣ Самаро разстрѣлять всѣхъ дѣтей старше десяти лѣтъ.

Въ маленькомъ кантонѣ Ури другіе солдаты, которые не имѣютъ счастья проявлять свою дѣятельность въ такомъ же большомъ масштабѣ, какъ ихъ собратья въ Соединенныхъ Штатахъ, «возстановливаютъ порядокъ», разстрѣливая своихъ братьевъ-рабочихъ. Итакъ, не теряя своего нравственного и человеческого достоинства и понятія о своей независимости, люди принуждены въ продолженіи многихъ лѣтъ вести такой образъ жизни, который пріучаетъ ихъ къ преступленію, пріучаетъ переносить безъ возмущенія грубости и оскорбленія или, что всего хуже, заставляетъ ихъ отказаться отъ собственной мысли и воли, подчиниться чужой и совершать поступки, которые они никогда не совершали бы по собственной инициативѣ. Солдаты не безнаказанно молчали въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ: будучи лишена возможности свободно высказываться, мысль его атрофируется. А во всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ, называйся они «либеральными», «благотворительными» или «чиновническими» развѣ происходитъ не то же самое, что въ судѣ и арміи. Не должны ли они фатально быть автократическими, злоупотребляющими властью и по этому вредными. Писатели-сатирики уже давно высмѣиваютъ бюрократическіе недостатки правительственныхъ учрежденій; но, какъ бы ни были смѣшны всѣ эти канцеляристы, вредъ причиняемый ими тѣмъ ужаснѣе, что они дѣйствуютъ можетъ быть, вопреки желанію и ихъ самихъ едва ли можно упрекнуть въ немъ, этихъ бессознательныхъ жертвъ политическаго организма, застывшаго въ опредѣленныхъ формахъ и находящегося въ вѣчномъ противорѣчій съ жизнью. Независимо отъ другихъ развращающихъ элементовъ, фаворитизма, бумажнаго дѣлопроизводства, отсутствія полезной дѣятельности у цѣлой массы чиновничьяго люда, самый фактъ существованія регламентированнаго механизма съ его сводомъ законовъ, принужденіями и штрафами, жандармами и тюремщиками, вся эта путаница политическихъ, религіозныхъ, моральныхъ и социальныхъ понятій, передаваемыхъ изъ поколѣній въ поколѣнія – фактъ абсурдный самъ по себе, можетъ имѣть только противорѣчивыя послѣдствія. Жизнь полная неожиданностей, вѣчно возобновляющаяся, не можетъ быть втиснута въ рамки уже отжившихъ условій. Сложный и запутанный административный механизмъ не только дѣлаетъ часто невозможнымъ разрѣшеніе самыхъ простыхъ вопросовъ, но даже совсѣмъ останавливается въ самый необходимый и важный моментъ, и тогда только какой-нибудь «государственный переворотъ» можетъ облегчить положеніе. Правители и сильные міра жалуются въ такомъ случаѣ, «что законность убиваетъ ихъ», смѣло выходятъ изъ ея рамокъ, чтобы «возстановить порядокъ». Удача легализируетъ ихъ поведеніе въ глазахъ историка, а неудача ставитъ въ ряды преступниковъ. Тоже самое постигаетъ и толпу подданныхъ или гражданъ, которые нарушаютъ правила и законы революціоннымъ путемъ: признательное потомство чтитъ ихъ, какъ героев; пораженіе обращаетъ ихъ въ разбойниковъ.

Формирующіеся учрежденія принадлежатъ къ самымъ опаснымъ; еще за долго до того, какъ они становятся официальными, государственными учрежденіями, еще до полученія хартій изъ рукъ какого-нибудь государя, или представителей народа, они стремятся жить на счетъ общества и создать изъ своихъ интересовъ особую монополію. Такъ корпоративный духъ людей, получившихъ дипломъ изъ одной и той же высшей школы обращаетъ всѣхъ «коллегъ», какъ бы они хороши ни были, въ безсовѣстныхъ заговорщиковъ противъ общества, заключившихъ союзъ въ интересахъ собственнаго благополучія; тотъ духъ обращаетъ ихъ въ хищниковъ, которые станутъ обирать прохожихъ и дѣлить между собою добычу... Посмотрите на этихъ будущихъ чиновниковъ, еще въ коледжѣ въ своихъ нумерованныхъ кэпи или въ университетѣ въ бѣлыхъ или зеленыхъ шапочкахъ! облакаясь въ форму, они, можетъ быть, не давали никакой присяги, но отъ этого они ничуть не менѣе подчиняются духу касты и настойчиво стремятся избирать для себя благую часть. Попробуйте затронуть спесь старыхъ политехниковъ: попытайтесь устроить такъ, чтобы какой-нибудь человекъ съ заслугами занялъ мѣсто въ ихъ рядахъ и раздѣлил бы съ ними

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org обязанности и почести. Самый могущественный министр не мог бы добиться этого. Ни за что не примут – «выскачку». Что до того, что инженер, дѣлая видъ, будто онъ не позабылъ изученнаго съ такимъ трудомъ ремесла, строить непрочные мосты, слишкомъ низкіе туннели, непрочныя стѣны резервуаровъ, – нужно чтобы онъ прежде всего окончилъ высшую школу, и чтобы онъ имѣлъ честь принадлежать къ числу «*piros*».

Соціальная психологія учитъ насъ относиться съ недоверіемъ не только къ сложившейся власти, но и къ той, которая находится еще въ зародышѣ. Необходимо также тщательно разъяснить себѣ, что значить на практикѣ, имѣющія, повидимому, невинный или даже соблазнительный смыслъ слова: «патріотизмъ», «порядокъ» и «соціальный миръ». Безъ сомнѣнія – любовь къ отечеству – очень естественное и почтенное чувство: для изгнанника въ высшей степени отрадно слышать звуки родной рѣчи и увидѣть снова мѣста, которыя напоминаютъ родину. Любовь человѣка простирается не только на вскормившую его почву, на звуки рѣчи, которые усыпляли его въ колыбели, она относится также къ сынамъ его родной страны, съ которыми у него одинаковыя представленія, чувства и привычки, и наконецъ, если онъ человѣкъ съ возвышенной душой, онъ отдается всецѣло чувству солидарности съ тѣми, нужды и желанія которыхъ ему близки. Если патріотизмъ заключается въ этомъ – какой человѣкъ съ сердцемъ не патріотъ. Но почти всегда это слово скрываетъ въ себѣ смыслъ не имѣющій никакого отношенія къ «общности чувствъ» (Сень Жюсть) или «любви къ странѣ своихъ отцовъ».

По странному противорѣчію никогда не говорили объ отечествѣ съ такой шумной аффектаціей, какъ съ того времени, когда оно готово раствориться въ великомъ отечествѣ всего человѣчества. Повсюду развѣваются національныя знамена, особенно у воротъ кабаковъ и на увеселительныхъ домахъ. «Правящіе классы» повсюду трубятъ о своемъ патріотизмѣ, благоразумно поощряя свои фонды заграницей и вступая въ торговля сдѣлки съ Вѣной или Берлиномъ, торгуя всѣмъ, что имъ обѣщаетъ доходъ, вплоть до государственныхъ тайнъ. Даже ученые, забывъ время, когда они составляли всемірную интернаціональную республику, говорятъ теперь о наукѣ французской, нѣмецкой, итальянской, какъ будто можно подъ присмотромъ жандармовъ заключить въ границы познаніе фактовъ и пропаганду идей. Превозносится протекціонизмъ для произведеній ума, какъ для рпы или для хлопчатобумажныхъ издѣлій. Но пропорціоально этому суженію мозговъ крупныхъ ученыхъ расширяется мысль малыхъ. Люди, стоящіе на верху, поневолю сокращаютъ свои владѣнія и утрачиваютъ свои надежды по мѣрѣ того, какъ мы – бунтовщики овладѣваемъ вселенной и расширяемъ свои сердца. Мы находимъ себѣ товарищей по всему земному шару, отъ Америки до Европы, и отъ Европы до Австраліи. Мы употребляемъ одинъ и тотъ же языкъ – языкъ борьбы за однѣ и тѣ же интересы, и близокъ моментъ, когда мы вдругъ окажемся объединенными на общей тактикѣ и на общемъ лозунгѣ. Наши союзы возникаютъ во всѣхъ уголкахъ міра.

Въ сравненіи съ этимъ всемірнымъ движеніемъ – то, что привыкли называть патріотизмомъ есть явленіе регрессивное со всѣхъ точекъ зрѣнія. Нужно быть наивнымъ среди наивныхъ, чтобы не знать, что «катехизисъ гражданина» проповѣдуетъ любовь къ отечеству въ цѣляхъ служенія интересамъ и привиллегіямъ правящаго класса и что онъ стремится поддержать въ выгодахъ того же класса ненависть между слабыми и обездоленными, живущими по одну и другую сторону границы. Словомъ патріотизмъ, по новѣйшимъ комментаріямъ къ нему, прикрывается старая практика рабскаго подчиненія волѣ одного начальника, полное отреченіе отъ индивидуальности передъ людьми, обладающими властью, и стремящимися эксплуатировать цѣлую націю, какъ слѣпую силу въ своихъ интересахъ. Точно также слова «порядокъ», «соціальный міръ» – красиво звучатъ для нашего слуха: но мы хотимъ знать, что именно понимаютъ подъ этими словами – эти добрые апостолы – наши правители. Да, миръ и порядокъ – это великій идеалъ, котораго нужно достигнуть, – при одномъ условіи однако: этотъ миръ не долженъ быть миромъ могилы, а порядокъ не долженъ имѣть ничего общаго съ порядкомъ, который водворенъ былъ въ Варшавѣ. Нашъ будущій миръ не долженъ имѣть своимъ источникомъ безусловное господство однихъ и безнадежное поработеніе другихъ: – нѣтъ, онъ долженъ покоиться на открытомъ и полномъ равенствѣ всѣхъ товарищей.

V.

Если первой обязанностью всѣхъ добросовѣстныхъ и активныхъ эволюціонистовъ является познаніе окружающаго ихъ общества, для котораго они создаютъ теорію преобразования, то вторая ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ своемъ революціонномъ идеалѣ. Изученіе послѣдняго

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org должно быть тѣмъ болѣе тщательнымъ, что этотъ идеаль обнимаетъ будущее во всей его полнотѣ, ибо друзья и враги, всѣ знаютъ, что дѣло идетъ уже не о большихъ частичныхъ революціяхъ, а объ одной общей революціи, которая преобразуетъ все общество, во всѣхъ его проявленіяхъ.

Сами условія жизни диктуютъ намъ наше главное пожеланіе. Крики и жалобы, раздающіеся изъ деревенскихъ хижинъ, изъ подземелій, погребовъ и чердаковъ въ городахъ постоянно напоминаетъ намъ: «хлѣба! хлѣба!» Всѣ другія соображенія подавлены этимъ коллективнымъ выраженіемъ насущнѣйшей нужды всякаго живого существа. Такъ какъ самое существованіе немислимо безъ удовлетворенія этой инстинктивной потребности въ пищу, то нужно ее удовлетворить во что бы то ни стало, не дѣлая ни для кого исключеній, ибо невозможно раздѣлить общество на такія двѣ части, изъ которыхъ одна лишена была бы права на существованіе «хлѣба! хлѣба!» Этотъ крикъ долженъ быть понятъ въ самомъ широкомъ смѣслѣ, т. е. что нужно требовать для всѣхъ людей не только пищи но и удовлетворенія всѣхъ его другихъ потребностей, которыя дадутъ ему возможность всесторонняго физическаго и духовнаго развитія. По выраженію одного крупнаго капиталиста, который говорилъ о себѣ, что его мучаютъ особенно вопросы о справедливости, «нужно сдѣлать равной точку отправленія для всѣхъ, кто вступаетъ въ борьбу за существованіе». Часто спрашиваешь себя, какимъ образомъ эти полуголодные, которыхъ такъ много у насъ, сумѣли въ продолженіи столькихъ вѣковъ, и продолжаютъ еще теперь, побѣждать въ себѣ эти страстные порывы голода, которые они должны ощущать, какъ они сумѣли приучить себя безъ протеста къ систематическому обезсиливанію организма и самоотреченія. Исторія прошлаго объясняетъ намъ это. Дѣло въ томъ, что въ эпоху примитивной изолированности человѣка, когда малочисленныя семьи или племена, принуждены были преодолевать громадныя затрудненія въ борьбѣ за существованіе, и еще не умѣли пользоваться помощью, которую даетъ человѣческая солидарность, часто случалось даже въ жизни одного поколѣнія, что средствъ къ существованію не хватало на удовлетвореніе всѣхъ членовъ данной группы. А въ такихъ случаяхъ что оставалось имъ дѣлать, если не безропотно подчиняться необходимости и приучать себя по мѣрѣ возможности, поддерживать свое существованіе, питаясь травами или древесной корой, переносить долгія голодовки, въ ожиданіи, что въ рѣкахъ снова появится въ изобиліи рыба, въ лѣсахъ – дичь или, что скудная почва все-же выраститъ новую жатву.

Такъ приучались неимущіе къ голоду. Тѣ изъ нихъ, которые меланхолично бродятъ передъ открытыми форточками кухонь, помѣщающихся въ подвальныхъ этажахъ, изъ которыхъ несетъ раздражающій пріятный запахъ, предъ роскошными выставками мясныхъ и фруктовыхъ магазиновъ и ресторановъ – это люди, которыхъ воспитала насльдственность: они безсознательно подчиняются морали отреченія. Эта мораль была умѣстна въ эпоху, когда люди были игрушкой въ рукахъ слѣпой судьбы, но совершенно непригодна теперь въ вѣкъ чрезмѣрнаго обилія богатствъ, и для людей, которые пишутъ на стѣнахъ слово «братство» и кичатся своей благотворительностью. И все же количество несчастныхъ, держащихъ протянуть руку, чтобы взять выставленную на показъ прохаживать пищу, очень незначительно: такъ сильное физическое ослабленіе, порожденное голодомъ парализируетъ волю, отнимаетъ почти всякую энергію, даже инстинктивную.

Къ тому же современная «юстиція» караетъ воровство куска хлѣба значительно строже, чѣмъ древніе законы. Взвѣсивая на своихъ вѣсахъ украденный кусокъ пирога, современная, Ѳемида находитъ что онъ стоитъ цѣлаго года тюрьмы.

«Бѣдные всегда будутъ съ вами» – любятъ повторять сытые счастливыя, особенно тѣ, которые хорошо знаютъ священное писаніе и любятъ принимать меланхолической и страдающей виды. «Бѣдные всегда будутъ съ вами» – слова эти, утверждаютъ они, сказаны Богомъ и они ихъ повторяютъ, закатывая глаза и какимъ то особеннымъ голосомъ, чтобы придать имъ больше торжественности. И потому, что слова эти были названы божественными, сами бѣдняки во времена ихъ духовной бѣдности вѣрили въ безсиліе всѣхъ своихъ попытокъ достигнуть лучшей доли: чувствуя себя погибшими въ этомъ мірѣ, они съ надеждой взирали на міръ загробный, – «быть можетъ въ этомъ мірѣ слезъ мы умремъ съ голоду, но за то тамъ, въ царствѣ божіемъ, въ этомъ лучезарномъ раю, гдѣ солнечное сіяніе будетъ окружать ваше чело, а млечный путь будетъ служить намъ ковромъ, тамъ не будетъ уже нужды въ пищу и мы будемъ испытывать радость отъ того, что злые богачи, навсегда обреченные на голодъ, будутъ оглашать воздухъ своими воплями». Теперь уже очень немного несчастныхъ, дающихъ себя дурачить подобными мечтами, большинство же, ставъ болѣе благоразумными, направили свое вниманіе на хлѣбъ земной, поддерживающей его матеріальную

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org жизнь, питающій кровь и тѣло; они желаютъ получить свою часть, увѣренные, что ихъ желанія законны въ виду обилія земныхъ богатствъ; религіозныя галлюцинаціи, старательно поддерживаемыя заинтересованными священниками, не въ силахъ отвратить голодныхъ даже считающихъ себя христіанами, отъ борьбы за право на хлѣбъ насущный, за которымъ еще недавно обращались къ капризной милости «отца, иже на небеси». Политическая экономія, претендующая на званіе науки, унаслѣдовала отъ религіи проповѣдь неизбѣжности нищеты; она утверждаетъ, что смерть несчастныхъ отъ голода совсѣмъ не ложится позоромъ на все общество. Когда видишь съ одной стороны толпы голодныхъ, а съ другой кучку привилегированныхъ, которые ѣдятъ въ свое удовольствіе и наряжаются по своей фантазіи, нужно быть черезъ чуръ наивными, чтобы вѣрить, что иначе и быть не можетъ. Правда, что въ благодатные годы, можно было бы брать изъ массы избытковъ, а въ голодные – люди могли бы придти къ соглашенію и раздѣлить необходимое между всѣми равномерно, но такой образъ дѣйствія предполагаетъ существованіе общества людей, тѣсно связанныхъ между собой узами братской солидарности. Но такъ какъ такой коммунизмъ является еще невозможнымъ, наивный бѣднякъ, который безсознательно вѣритъ увѣреніямъ ученыхъ экономистовъ, что земныхъ благъ не хватитъ для всѣхъ, долженъ слѣдовательно мириться безъ протеста со своимъ несчастіемъ.

На ряду съ жрецами экономической науки, жертвы дурного социальнаго строя повторяютъ и толкуютъ каждый по своему ужасный «законъ Мальтуса» – «Бѣднякъ – лишній на жизненномъ пиру» – законъ, который протестантскій пасторъ сформулировалъ почти вѣкъ тому назадъ, какъ математическую аксіому и который казалось, заключалъ человѣческое общество въ чудовищныя челюсти своего страшнаго силлогизма: бѣднякъ повторяетъ меланхолически, что для него «нѣтъ мѣста на жизненномъ пиру». А знаменитый экономистъ, хотя и добрякъ въ частной жизни, придавъ лишь новую силу этому горькому выводу, подтверждая его цѣлымъ рядомъ доказательствъ якобы математической точности: населеніе, говоритъ онъ, удваивается обыкновенно каждые 25 лѣтъ, тогда какъ средства къ существованію растутъ въ менѣе быстрой пропорціи, обрекая такимъ образомъ на уничтоженіе лишнихъ индивидовъ. Что же совѣтуютъ дѣлать Мальтусъ и его послѣдователи для того, чтобы избавить человѣчество отъ періодическихъ бѣдствій, какъ голодъ, нищета и заразныя болѣзни? Конечно, нельзя требовать отъ бѣдныхъ, чтобы они добровольно согласились избавить землю отъ своего присутствія и принесли бы себя жертву богу «здравой политикоэкономической науки», но имъ просто совѣтуютъ по крайней мѣрѣ отказаться отъ радостей семейной жизни: не нужно ни женъ, ни дѣтей.

Вотъ какое «нравственное воздержаніе» проповѣдуютъ они и убѣждаютъ разумныхъ рабочихъ ему слѣдовать. Многочисленное потомство должно быть только роскошью, которую могутъ позволить себѣ одни привилегированные; въ этомъ вся мораль ихъ политической экономіи.

А если неблагодарные бѣдняки, вопреки увѣщаніямъ ученыхъ профессоровъ не хотятъ употреблять предупреждающихъ появленіе потомства средствъ, то природа сама беретъ на себя заботу объ уничтоженіи излишняго потомства, и уничтоженіе это происходитъ въ нашемъ обществѣ въ безконечно болѣе масштабъ, чѣмъ то могли бы представить себѣ самые закоснѣлые пессимисты. Не тысячь, а миллионъ жизней требуетъ уже ежегодно богъ Мальтуса. Можно легко сдѣлать приблизительный подсчетъ тѣхъ, которыхъ экономическая судьба приговорила къ смерти съ того дня, какъ безсердечный теологъ обнародовалъ свой мнимый «законъ», который къ несчастію, наше социальное настроеніе сдѣлало вѣрнымъ для нашей эпохи. Въ продолженіи этого вѣка три поколѣнія смѣнили другъ друга въ Европѣ и, если обратиться къ статистическимъ даннымъ смертности, то можно констатировать, что средняя продолжительность жизни богатыхъ (напримѣръ лицъ, населяющихъ хорошо устроенные роскошные кварталы Лондона, Парижа, Берлина) будетъ отъ 60 до 70 лѣтъ, хотя эти люди, вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, едва ли могутъ быть образцами нормальнаго образа жизни, такъ какъ «великосвѣтская жизнь» всячески развращаетъ и портитъ ихъ: но чистый воздухъ, прекрасное питаніе, постоянная возможность мѣнять свое мѣсто жизни и свои занятія постоянно возвращаетъ имъ растрату силъ и обновляетъ ихъ организмъ, въ то время какъ люди, принужденные работать ради куска хлѣба, заранѣе осуждены на смерть въ Европейскихъ странахъ въ возрастъ между 20–40 годами, т. е. въ среднемъ на тридцатомъ году жизни. Это значитъ, что они живутъ только половину того времени, какое могли бы прожить, если бы были свободны, и могли бы по желанію выбирать себѣ мѣсто жительства и занятіе. Они умираютъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ жизнь должна бы быть наиболее полной и интенсивной; и ежегодно подсчитываемое число смертей по крайней мѣрѣ вдвое больше того, чѣмъ должно бы быть въ обществѣ равныхъ.

Итакъ, годовая смертность Европы достигаетъ 12 миллионъ челоуѣкъ, и можно съ увѣренностью утверждать, что 6 миллионъ изъ нихъ были жертвами тѣхъ социальныхъ условій, которыя царствуютъ въ нашей варварской средѣ; 6 миллионъ жителей погибло вслѣдствіе недостатка въ чистомъ воздухѣ, здоровой пищѣ, отсутствія гигиеническихъ условій и дурной организаціи труда. И вотъ, сочтите всѣ жертвы, погибшія съ того времени, какъ Мальтусъ произнесъ свою надгробную рѣчь надъ миллионами обреченныхъ на гекатомбы. Развѣ не правда, что цѣлая половина такъ называемаго цивилизованнаго челоуѣчества составляетъ изъ людей, которыхъ не приглашали на общественный пиръ, людей, занимающихъ на немъ мѣсто лишь на короткое время и осужденныхъ умереть со стиснутыми отъ неудовлетвореннаго голода челюстями? Смерть предсѣдательствуетъ на этомъ пиру, устраняя своимъ жезломъ опоздавшихъ. На выставкахъ намъ показываютъ удивительные «пріемники», въ которыхъ примѣнены всѣ законы физики, всѣ наши познанія физиологіи, всѣ средства технической изобрѣтательности, чтобы сдѣлать жизнеспособными семи, даже шестимѣсячныхъ выкидышей. И эти выкидыши выживаютъ, крѣпнутъ и становятся здоровыми, полными малютками, предметомъ материнской гордости и славы своего спасителя. Но спасая такимъ образомъ отъ смерти малютку, казалось бы, самой природой приговоренныхъ къ ней, одновременно съ тѣмъ отдають ей въ жертвы миллионы жизнеспособныхъ дѣтей, родившихся при самыхъ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. Въ Неаполитанскомъ убѣжищѣ для подкидышей, по сухому официальному отчету попечительства изъ 950 принятыхъ дѣтей выжило только трое. Итакъ положеніе ужасно, но уже совершилась глубокая эволюція, превращающая недалекую революцію. Эта эволюція состоитъ въ томъ, что экономическая «наука», проповѣдующая недостатокъ жизненныхъ благъ и неизбѣжную смерть всѣхъ недостаточныхъ, оказалась ложной. Страдающее челоуѣчество, вѣрившее въ свою неизбѣжную нищету, познало теперь, что оно богато, что его идеаль: «хлѣба для всѣхъ» – не утопія. Земля достаточно велика, чтобы на ней хватило мѣста для всѣхъ, она достаточно богата, чтобы всѣмъ дать средства къ существованію. Она можетъ дать достаточно обильный урожай волокнистыхъ растений, чтобы одежды хватило на всѣхъ; въ ней достаточно камня и глины, чтобы всѣ имѣли жилища – таковъ экономическій фактъ въ своемъ простѣйшемъ выраженіи. Земля не только можетъ произвести достаточно пищевыхъ и другихъ средствъ для поддержанія существованія населяющихъ ее людей, но она могла бы удовлетворить даже вдвое увеличившееся потребленіе и даже безъ приложенія научныхъ методовъ, опирающихся на изслѣдованія по химіи, физикѣ, минералогіи и механикѣ. Въ великой семьѣ челоуѣчества голодъ не только не можетъ быть результатомъ коллективнаго преступленія, онъ является абсурдомъ еще и потому, что средствъ къ существованію неизмѣримо больше, чѣмъ сколько ихъ нужно для потребленія. Недостатокъ современнаго способа распредѣленія земныхъ благъ, которыми руководитъ индивидуальный капризъ отдѣльныхъ личностей и безумная конкуренція спекуляторовъ и коммерсантовъ, состоитъ въ томъ, что цѣны на средства существованія повышаются, что они отнимаются у тѣхъ, которые производятъ ихъ и должны бы были владѣть ими по праву, и продаются тѣмъ, которые могутъ заплатить за нихъ дорого! но въ этомъ безпрестанномъ движеніи продукты и товары непроизводительно тратятся, портятся и теряются. И несчастные, нуждающіеся, проходящіе мимо громаднхъ складовъ этихъ товаровъ, знаютъ это. Нѣтъ недостатка ни въ теплой одеждѣ, которая могла бы покрыть ихъ голыя плечи, ни въ крѣпкихъ сапогахъ для ихъ босыхъ ногъ, ни въ питательныхъ вкусныхъ фруктахъ и напиткахъ для поддержанія ихъ силъ, – все это имѣется въ громадномъ излишкѣ, но пока они бродятъ вокругъ этихъ складовъ, бросая голодные взгляды, собственникъ-купецъ ищетъ способы повисить цѣны своихъ товаровъ, а въ случаѣ нужды даже уменьшить ихъ количество. Какъ бы то ни было, но фактъ на лицо – продуктовъ всегда больше, чѣмъ нужно. И почему же господа экономисты не начинаютъ своихъ учебниковъ съ признанія этого капитальной важности факта, доказываемаго статистикой? Зачѣмъ должны мы революціонеры имъ указывать на это? Чѣмъ объяснить, что необразованные рабочіе послѣ долгаго трудового дня, только изъ разговоровъ другъ съ другомъ, знаютъ объ этомъ гораздо больше и лучше патентованныхъ профессоровъ и ревностныхъ учениковъ школы социальныхъ и политическихъ наукъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого сдѣлать выводъ, что любовь послѣднихъ къ наукѣ не вполне искренна? Такъ какъ современное состояніе экономической науки вполне оправдываетъ наше требованіе хлѣба для всѣхъ, то остается узнать: оправдываетъ ли оно и наше другое требованіе – свободы для всѣхъ. «Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ челоуѣкъ», говоритъ древнее изрѣченіе, которое перестанетъ быть истиной развѣ только въ томъ случаѣ, если челоуѣкъ будетъ регрессировать и опустится до чисто животнаго состоянія.

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org
Но въ чемъ состоитъ эта духовная пища, необходимая человѣку, на ряду съ матеріальной? Конечно, церковь скажетъ, что таковой пищей служить «Евангеліе», а государство напоминаетъ, что это «повиновеніе закону». Но пища, которая дѣйствительно питаетъ и развиваетъ умственныя и нравственныя силы человѣка, есть то познаніе «добра и зла», которое еврейская легенда, а за ней и всѣ религіи происшедшія отъ іудейской, запрещаютъ намъ, какъ ядовитый плодъ, который, какъ проклятіе, поражаетъ всѣхъ и вліяніе котораго простирается даже «до третьяго поколѣнія» того, кто вкусилъ отъ него. Знаніе! – преступленіе по ученію церкви, преступленіе и съ точки зрѣнія государства, какъ бы ни старались маскировать это теперь священники и агенты правительства, которые противъ воли, можетъ быть, вкусили отъ этой ереси? А между тѣмъ знаніе есть первая главная добродѣтель свободной личности, которая захотѣла освободиться отъ всякаго божескаго и человѣческаго авторитета: она одинаково отказывается слушать тѣхъ, которые во имя «Высшаго Разума» узурпируютъ въ свою пользу право мыслить и говорить за другихъ и тѣхъ, которые во имя государства предписываютъ законами опредѣленный гнетъ, внѣшнее поведеніе, регламентированное разъ на всегда. И такой человѣкъ, желающій свободно развиваться, долженъ встать какъ разъ на противоположную точку зрѣнія, чѣмъ та, которую ему рекомендуетъ церковь и государство: онъ долженъ свободно и независимо мыслить и дѣйствовать. Это является непремѣннымъ условіемъ всякаго прогресса. «Свободно мыслить, говорить и дѣйствовать!» – идеаль будущаго общества въ отличіе отъ современнаго, котораго оно будетъ все-таки лишь логическимъ продолженіемъ, выражается ясно въ этомъ пожеланіи свободно мыслить. И съ первыхъ шаговъ эволюціонистъ, превратившись въ революціонера, долженъ освободиться отъ всякой догматической церкви, отъ всякаго общественнаго принужденія, отъ всякой политической правительственной власти съ обязательной регламентаціей для подчиненныхъ ей, отъ всякой ассоціаціи публичной или тайной, въ которой всякій членъ подъ страхомъ оказаться измѣнникомъ долженъ подписаться подъ общепринятымъ лозунгомъ. Не нужно больше ни конгрегацій, запрещающихъ тѣ или другія книги, не нужно царей и принцевъ, требующихъ присяги, ни полководцевъ, требующихъ вѣрности знамени, ни министра народнаго просвѣщенія, предписывающаго правила преподаванія и указывающаго книги и даже страницы въ нихъ, которымъ учитель долженъ научить учениковъ, не нужно исполнительнаго комитета, который распоряжается пропускомъ посѣтителей у входа въ народные дома. Не нужно и судей, которые заставляютъ свидѣтеля давать смѣшную и ложную присягу въ томъ, что будутъ говорить только правду, и которая сама по себѣ является уже ложью. Нѣтъ надобности въ начальствѣ, какого бы рода оно ни было, чиновникъ ли, школьный учитель, членъ клерикальнаго или соціалистическаго комитета, хозяинъ или отецъ семейства, который бы вообще требовалъ повиновенія. А свобода слова? а свобода дѣйствій? Развѣ это не прямое и логическое послѣдствіе свободы мысли? Слово вѣдь только мысль, облеченная въ звуки или буквы, дѣйствіе же – мысль выполненная. Нашъ идеаль состоитъ слѣдовательно въ требованіи для всякаго человѣка полной абсолютной свободы выражать свои мысли во всемъ – въ наукѣ, политикѣ, морали безъ другихъ ограниченій, кромѣ уваженія къ другой личности; онъ требуетъ также права дѣйствовать по своему усмотрѣнію «дѣлать, что хочешь», согласуя, конечно, свою волю съ волей другихъ людей во всякомъ коллективномъ трудѣ, такъ какъ его собственная свобода не можетъ быть ограничена такимъ союзомъ, а напротивъ увеличивается, благодаря силѣ коллективной воли. Само собой разумѣется, что эта абсолютная свобода мысли, слова и дѣйствій не совмѣстима съ сохраненіемъ учрежденій, которыя ограничиваютъ свободную мысль и ставятъ преграды свободному слову, въ самыхъ категорическихъ формахъ и заставляютъ рабочаго, оставшагося безъ работы, скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ нарушить священное право собственности. Консерваторы не ошиблись, называя вообще всѣхъ «революціонеровъ» врагами «религіи, семьи и собственности». Да, анархисты, не признаютъ авторитетовъ догмата и сверхестественное вмѣшательство въ нашу жизнь, и въ этомъ смыслѣ, въ борьбѣ за свой идеаль братства и солидарности, они враги религіи. Да они хотятъ уничтожить брачный торгъ и защищаютъ свободный союзъ половъ, основанный на взаимной любви, уваженіи къ самому себѣ и къ человѣческому достоинству другого, и въ этомъ смыслѣ, какъ бы они не любили и не были преданы тѣмъ, съ которыми соединили свою жизнь, они являются врагами семьи. Да, они хотятъ уничтожить несправедливый захватъ земли и ея благъ, чтобы ими могли пользоваться всѣ и въ этомъ смыслѣ, преслѣдуя лишь одну цѣль – гарантировать всѣмъ право пользованія плодами земли, они являются и врагами собственности.

Конечно, мы любимъ и хотимъ мира: нашъ идеаль – гармоничное согласіе между всѣми людьми, но вокругъ насъ кипитъ безпощадная война, которую мы видимъ еще и впереди, ибо въ безконечной сложности условій, составляющихъ

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org человеческую жизнь, даже стремление их к миру сопровождается беспощадной войной. «Мое царство не от мира сего», говорил Сын Человеческий и однако, он тоже принес меч и готовил раздор между сыном и отцом, дочерью и матерью. Всякое убеждение, даже наихудшее имеет своих защитников, которых должно считать искренними, но симпатия и уважение, которые они могут заслуживать, не должны препятствовать революционеру бороться с ними со всей энергией, на какую он только способен.

VI.

Наивные люди надеются, что в конце концов все устроится и в один прекрасный день совершится мирная революция, когда пользующиеся всякими привилегиями по доброй воле согласятся уступить свои права всему народу.

Конечно, мы верим, что они уступят когданибудь, но то, что их толкнет на уступки, не будет внезапным порывом гуманного чувства, а страх перед будущим, в особенности ввиду «совершившихся событий»; без сомнения эти люди изменятся, но только тогда, когда для них явится абсолютная невозможность продолжать жить по старому, а это время еще далеко. Всякий организм функционирует только сообразно своему устройству – он может перестать функционировать, разрушиться, но он не может развиваться в обратном направлении. Всякая власть естественно стремится увеличить свое влияние над большим числом подчиненных ей индивидуумов; всякая монархия по той же причине старается сделаться всемирной. – Если нашелся один Карл V, который, удалившись в монастырь, издали, как зритель наблюдал за трагико-комедией народов, то сколько найдется других царей, страсть которых ко власти ни чем не может быть удовлетворена и которые, если не по славе и талантам, могут все считаться Аттилами, Александром Македонским и Юлием Цезарем. Точно также редко можно встретить и капиталистов, отрекшихся от любостыжания и отдавших свои сокровища на осуществление какогонибудь общепользательного дела; даже те, которые желали бы ограничить свои потребности, не могут этого сделать, подчиняясь влиянию своей среды: их капиталы будут расти, принося проценты на проценты. Как только человек получает какую бы то ни было власть духовную, военную, административную или финансовую, его естественно толкает пользоваться ею безконтрольно; нет тюремщика, который бы, поверачивая ключ в замке камеры, не ощущал бы некоторого самодовольного чувства своей власти, нет стражника, который, охраняя имущество своего господина, не относился бы враждебно к бродяге, или судебного пристава, который не ощущал бы глубокого презрения к подчиненному ему власти преступнику.

И если отдельные личности так легко поддаются обаянию власти, которую им предоставили, то во сколько раз сильнее это обаяние для целых классов, сохранивших свою власть по наследственной традиции и обладающих чрезвычайно развитым чувством кастовой чести! Можно еще понять, что отдельная личность, подчиняясь чемулибо влиянию, может быть послушна голосу совести и чувства или, подчиняясь внезапному благородному порыву, отказывается от своей власти, отдает свое имущество, радуясь успокоению своей возмущенной совести и тому, что теперь дружески протягивают руки те, которых она эксплуатировала раньше безсознательно или против своей воли; но как ждать такой перемены от целой касты людей, связанных друг с другом целой цепью общих интересов, партийной дисциплиной, дружбой, сообществом или даже преступлением? И когда иерархические тиски и стремление к возвышению прочно объединяют весь правительственный механизм, то какая остается надежда на то, что люди, составляющие его, вдруг изменятся к лучшему, какое чудо свыше может очеловечить эти враждебные обществу касты, – армию, духовенство и чиновничество? Нужно быть сумасшедшим, чтобы думать, что такие общественные группы могут проникнуться гуманитарными чувствами и подчиниться другим влияниям, кроме страха? Правда, что это живой механизм, составленный из человеческих индивидуумов, но он двигается, толкаемый слепой силой коллективного эгоизма и остановить его может только коллективная непобедимая сила революции.

Допустив даже, что «добрые богачи» вступят все на путь обращения к истине, осужденные сознанием своего беззакония, как бы светом молнии, допустив даже, что вообще мы считаем невозможным, чтобы они поспешили отделиться от своих богатств на пользу обиженных или неимущих и что, явившись в собрание бедняков, они скажут им: «берите – это ваше», если бы они сделали это, то и тогда этим не была бы достигнута полная

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org справедливость, такъ какъ за ними останется право на славную роль, которая въ сущности не принадлежитъ имъ, и исторія представить ихъ въ ложномъ свѣтъ. Такимъ образомъ поступали льстецы, желавшіе заслужить расположеніе потомковъ феодаловъ, восхваляя ихъ подвиги въ ночь на 4-ое августа 1789 года, когда тѣ отказались отъ своихъ привилегій, какъ будто этотъ моментъ – отказъ отъ привилегій, которыхъ народъ уже не признавалъ, является центромъ движенія всей французской революціи. И если такое фиктивное отреченіе, вынуждаемое подъ давленіемъ совершившихся событій, прославляется какъ нѣчто достопримѣчательное и славное, то что скажутъ про болѣе искреннее и дѣйствительное отреченіе отъ сокровищъ, добытыхъ эксплуатаціей темныхъ народныхъ массъ? Можно было бы опасаться, что толпа возвратитъ этимъ героямъ ихъ прежнее положеніе лишь изъ чувства благодарности за ихъ великодушіе! Нѣтъ для торжества справедливости нужно, чтобы все пришло въ естественное равновѣсіе, нужно, чтобы угнетенные сами добились своего права, чтобы обездоленные вернули сами себѣ все, что у нихъ было насильно отнято, чтобы рабы добились свободы собственными усиліями. И они будутъ пользоваться ею только тогда, когда сумѣютъ добыть ее. Всемъ намъ знакома фигура выскочки, добившагося богатства. Онъ почти всегда исполненъ глупаго чванства и презрѣнія къ бѣднымъ. Туркменская пословица говоритъ: «когда сынъ садится на коня, онъ не узнаетъ больше своего отца», а индусы говорятъ: «если твой другъ ѣдетъ въ колесницѣ, то у него нѣтъ уже друзей». Но цѣлый классъ подобныхъ людей гораздо опаснѣе отдѣльныхъ своихъ членовъ: онъ связываетъ каждого, заставляя его руководиться только общими, свойственными ему, какъ члену класса, инстинктами и даже противъ его воли увлекаютъ его по своему пагубному пути. Жадный купецъ, умѣющій изъ «всего» извлекать прибыль, – конечно, опасный членъ общества, но что сказать о цѣломъ классѣ современныхъ эксплуататоровъ, анонимной ассоціаціи капиталистовъ, основанной на облигаціяхъ, акціяхъ, и кредитѣ? Какъ морализировать эти облигаціи и банковые билеты? какъ внушить имъ идеи солидарности со всемъ человѣчествомъ, которыя готовятъ пути къ лучшему порядку вещей? Такой банкъ, хотя бы члены его были филантропы чистой воды, не переставалъ бы учитывать векселя, брать проценты и проч.: тамъ не знаютъ сколькихъ слезъ и мукъ стоили эти потеряныя монеты, которыя въ концѣ концовъ попадаютъ въ его желѣзныя несгораемыя кассы съ хитрыми замками и засовами. Намъ постоянно совѣтуютъ положиться на время, которое должно будетъ смягчить нравы и привести все къ лучшему концу, но какъ можетъ смягчиться эта желѣзная касса, какъ остановится это ужасное чудовище, которое называютъ капиталистическимъ хозяйствомъ, которое пожираетъ одно за другимъ цѣлыя поколѣнія людей? Да если капиталъ, которому служить все, сохранить свою силу, то мы всѣ сдѣлаемся его орудіемъ и рабами – простыми колесиками въ его чудовищномъ механизмѣ: если къ сбереженіямъ, собраннымъ въ желѣзныхъ кассахъ банкировъ, безпрестанно будутъ прибавляться новыя сбереженія то напрасны будутъ наши крики о помощи – никто не услышитъ ихъ. Тигръ можетъ еще оставить свою жертву – но банковыя книги неумолимы. Отдѣльныя лица, цѣлые народы раздавлены этими тяжелыми фоліантами, безмолвныя страницы которыхъ, своими безстрастными цифрами, рассказываютъ о всѣхъ ужасахъ и жестокостяхъ, совершившихся здѣсь.

Если за капиталомъ должна остаться конечная побѣда, то намъ нельзя уже мечтать о золотомъ вѣкѣ, и мы только съ сожалѣніемъ можемъ оглядываться назадъ и смотрѣть, какъ на угасающую зарю, на все, что на землѣ было когда то прекраснымъ, любовь, радость, надежды. Человѣчество было бы осуждено на исчезновеніе. Всѣ мы, которыя были свидѣтелями политическихъ переворотовъ, можемъ отдать себѣ отчетъ о тѣхъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвержены всѣ организаціи, основанныя на власти однихъ надъ другими. Было время, когда слово: «Республика» приводило насъ въ энтузіазмъ; намъ казалось, что это слово составлено изъ чудныхъ звуковъ и что міръ будетъ обновленъ въ тотъ же день, когда его можно будетъ безъ страха произносить въ публичныхъ мѣстахъ. Кто были тѣ, которые горѣли вдохновенною любовью къ этому слову и въ его воплощеніи въ дѣйствительность видѣли вмѣстѣ съ нами начало новой эры прогресса? Это тѣ самые что засѣдаютъ теперь въ министерствахъ и другихъ хорошо обезпеченныхъ мѣстахъ, подобострастно улыбаясь и кровавымъ убійцамъ армянъ и могущественнымъ баронамъ финансоваго міра. Но я не думаю, что всѣ эти выскочки были безъ исключенія лицемѣрами и обманщиками. Между ними, безъ сомнѣнія, были и такіе, но большинство казалось мнѣ искреннимъ. Эти послѣдніе были фанатиками Республики и чистосердечно восторгались громкими словами: «Свобода, Равенство, Братство.» Твердо вѣря, что ихъ преданность общему благу никогда не измѣнитъ имъ, приняли они послѣ побѣды назначенныя имъ должности. Но уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда эти республиканцы уже находились у власти, другіе тоже республиканцы медленно проходили съ обнаженными головами по

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org
Версальскому бульвару межъ расставленныхъ рядовъ пѣхоты и конницы. Толпа поносила ихъ, плевала имъ въ лицо и среди нея, среди лицъ искаженныхъ ненавистью и гнѣвомъ, плѣнники узнавали своихъ бывшихъ товарищей по баррикадамъ, съ которыми они вмѣстѣ боролись за осуществленіе своего идеала!

А много-ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ эти недавніе революціонеры превратились въ ярыхъ консерваторовъ! Республика была учреждена и, по мѣрѣ своего усиленія, становилась все болѣе угодливой. Будто подчиняясь движенію часового механизма, правильно, какъ движеніе тѣни солнечныхъ часовъ, подчиняясь законамъ эволюціи, вся эта ревностная молодежь, которая еще недавно такъ героически боролась съ преслѣдовавшей ее полиціей, превратилась теперь въ осторожныхъ, боящихся слишкомъ смѣлыхъ реформъ, людей, затѣмъ въ довольныхъ существующимъ порядкомъ консерваторовъ и наконецъ, падая все ниже, даже въ нагло наслаждающихся предоставленными имъ благами, защитниковъ своего привилегированнаго положенія.

Волшебница Цирцея или, другими словами излишества власти и богатства превратили ихъ въ свиней! Единственной цѣлью ихъ стало защищать то, противъ чего они прежде боролись – и это они называютъ: «защитой завоеваній свободы»! Теперь они великолѣпно уживаются со всѣмъ, что ихъ возмущало когда-то. Они, метавшіе громы противъ церкви и ея слугъ, теперь охотно признаютъ конкордаты и подобострастно кланяются Монсиньорамъ Епископамъ.

Всеобщее братство вдохновляло ихъ когда-то на громкія фразы, но повторить имъ ихъ теперь, значило бы оскорбить ихъ; – въ то время воинская повинность «налогъ кровью» казался имъ чѣмъ-то чудовищнымъ – а теперь они вербовали чуть ли не дѣтей и кажется готовились обратить всѣхъ школьниковъ Франціи въ пушечное мясо. «Оскорблять армію», т. е. не скрывать всей мерзости безконтрольнаго авторитаризма, и пассивнаго повиновенія въ ихъ глазахъ является теперь тяжкимъ преступленіемъ. Не уважать нахальнаго агента нравовъ, называть подлаго провокатора его настоящимъ именемъ, а всякаго чиновника министерства юстиціи – крючкотворомъ, по ихъ мнѣнію, значитъ оскорблять юстицію и мораль. Нѣтъ теперь такого устарѣвшаго учрежденія, которое они не старались бы сохранить. Благодаря имъ «академія», столь презираемая когда то, сдѣлалась теперь чрезвычайно популярной они тщеславно прохаживаются подъ ея сводами, привѣтствуя кого-нибудь изъ своихъ сообщниковъ, который, сдѣлавшись шпіономъ, получилъ возможность украсить по французски академическимъ значкомъ петлицу своего сюртука. Они смѣялись когда-то надъ орденомъ Почетнаго Легіона, а теперь сами изобрѣли новые значки всѣхъ цвѣтовъ, которыми украшаютъ себя. Такъ нареченная республика широко открыла свои двери для всѣхъ, кто раньше ненавидѣлъ даже имя ея: герольдамъ божественнаго права, силлабическимъ пѣвцамъ почему бы и не войти туда? Не у себя ли они среди всѣхъ этихъ выскочекъ, которые окружаютъ ихъ?

Но мы не задаемся здѣсь цѣлью судить и критиковать тѣхъ, которые вслѣдствіе медленной или внезапной перемены воззрѣній перешли отъ культа святой республики къ культу власти и злоупотребленій. Путь, который они прошли, есть именно тотъ, который они должны были пройти. Они были убѣждены, что общество должно представлять изъ себя государство и имѣть надъ собой правителей и законодателей; они пылали благороднымъ стремленіемъ служить своей родинѣ и «посвятить себя» ея процвѣтанію и славѣ. Принявъ этотъ принципъ, они должны были принять всѣ послѣдствія: саванъ долженъ былъ служить пеленками для новорожденныхъ. И такъ республика и республиканцы обратились въ то печальное явленіе, которое мы теперь наблюдаемъ; почему бы намъ возмущаться?

Таковъ законъ природы: дерево приноситъ свои плоды, а всякое правительство неизбѣжно порождаетъ произволь, тиранію, ростовщичество, преступленія, убійства и несчастія. Какъ только возникаетъ какое нибудь новое учрежденіе, хотя бы именно для борьбы съ существующимъ зломъ, оно уже самымъ фактомъ своего существованія создаетъ новое зло; оно должно приспособляться къ дурной средѣ и проявлять себя въ патологическихъ формахъ. Инициаторы его служатъ, быть можетъ, возвышенному идеалу, но исполнители, которыхъ они назначаютъ, напротивъ считаются прежде всего съ величиной своего жалованья и продолжительностью своихъ занятій. Они быть можетъ, и желаютъ успѣха дѣлу, которому они служатъ, но желаютъ его лишь въ отдаленномъ будущемъ; или, даже совсѣмъ не желаютъ и приходятъ въ ужасъ, когда его триумфъ близокъ. Для нихъ важень теперь не самый трудъ, а тѣ почести и выгоды, которыя связаны съ ихъ положеніемъ. Такъ напр., комиссія инженеровъ, избранная для того, чтобы удовлетворить справедливыя жалобы нѣсколькихъ собственниковъ,

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org права которых были нарушены постройкой водопровода, находят более выгодным для себя, вместо того, чтобы просто разобраться в этих жалобах, положить их под сукно и употребить ассигнованные для этого средства на новую нивеллировку местности, в которой уже нет надобности и к дорого стоящим бумагам приложить целый ворох новых. Было бы химерой ожидать, что анархия, идеал человечества, может развиться из республики, представляющей одну из форм правительства. Здесь совершаются два эволюционных процесса в противоположных направлениях и изменение существующего порядка может произойти только внезапно: т. е. при помощи революции.

Республиканцы стараются же декретом осчастливить народ, а свое собственное существование они охраняют полицейской силой! Так как власть есть ничто иное как насилие, то их первая забота по достижении власти заключается в том, чтобы упрочить все те учреждения, посредством которых они управляют обществом. Быть может у них хватит даже смелости воспользоваться и научными выводами для обновления старых учреждений с тем, чтобы сделать их более приспособленными. Так в армию вводится употребление новых разрушительных орудий, бездымного пороха, усовершенствованных вращающихся пушек т. е. всевозможных изобретений, служащих для более быстрого и верного истребления. Так в полиции применяется антропометрия, посредством которой всю Францию можно обратить в одну громадную тюрьму. Начинают измерять черепа настоящих или предполагаемых преступников, затем будут измерять подозрительных, а в конце концов придется всем подчиниться этой унижительной процедуре. «Полиция и наука протянули друг другу братские объятия», сказал бы псалмопевец.

Таким образом ничего хорошего не может нам дать ни республика, ни республиканцы «высочки», т. е. те, которые стоят у кормила ее правления; и было бы безумием ждать чего нибудь с этой стороны.

Класс имущих и стоящих у власти фатально должен быть врагом всякого прогресса. А двигателем современной мысли, умственного и нравственного прогресса является та часть общества, которая трудится, страдает и угнетаема. Это она осуществляет свои собственные идеи, и шаг за шагом толкает вперед общество, движение которого консерваторы пытаются беспрестанно остановить, задержать или свернуть с прямого пути.

Но скажут: социалисты, эти друзья эволюции, эти революционеры, неужели они тоже могут изменить своему делу и мы увидим их идущими по пути регресса, когда они достигнут наконец власти? Без сомнения. Социалисты, сделавшись хозяевами положения, будут поступать и поступают уже так же, как их предшественники, республиканцы; законы истории не могут измениться в их пользу. Когда в их руках будет сила и даже до момента их полного обладания ею они, конечно, воспользуются своим преимуществом, хотя бы и воображая, что употребляют его для уничтожения препятствий, стоящих на их пути. Мир полон наивных честолюбцев, воображающих, что они призваны изменить общество, благодаря своим удивительным способностям управлять им; но когда они достигают вершин власти и становятся одним из рычагов правительственного механизма, они начинают понимать, что их собственные стремления не имеют никакого влияния на действительную власть, т. е. на тот сложный механизм власти, которым им приходится управлять и их усилия и благородные стремления парализуются индифферентностью и оппозицией окружающей их среды. Тогда им не остается ничего другого, как следовать по избитому пути всех стоящих у власти, т. е. воспользоваться своим положением, чтобы обогащаться самим и раздавать места своим друзьям.

Конечно, говорят нам фанатики социалисты, мираж власти и обладание ею могут быть очень опасны для людей, воодушевленных только благими пожеланиями; но она не может представлять опасности для тех, которые руководятся тщательно выработанной совместно с товарищами программой, которые сумели призвать их к порядку в случае злоупотребления или измены. Эти программы действительно тщательно выработаны, закреплены подписями и печатью, их публикуют в тысячах экземпляров, наклеивают на станы и двери общественных собраний и каждый кандидат знает их наизусть. Казалось бы, что это – достаточные гарантии! Однако, смысл этих тщательно взвешенных выражений мняется из года в год, сообразно личным видам и условиям их применения; каждый понимает их по своему, а когда целая партия начинает понимать вещи иначе, чем прежде, то самая

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org определенные заявления принимают лишь символический характер и в конце концов превращаются в простые исторические документы или даже в звуки, до смысла которых трудно доискаться.

И в самом деле те, которые хотят завладеть общественными должностями, должны употреблять и соответствующие средства. В республиканских странах с всеобщей подачей голосов, они будут заискивать у толпы, у большинства, они сведут знакомство и будут оказывать протекцию виноторговцу, искать популярности в кабаках, заискивать у лиц, которые будут голосовать за них, кто бы они ни были, принося в жертву все и сохраняя только внешний вид защитников интересов толпы, они протянут руки врагам общего дела и заразят ядом лжи весь правительственный организм. В монархических странах некоторые социалисты будут относиться индифферентно к образу правления, даже обратятся сами к царским министрам, рассчитывая на их помощь для тех социальных преобразований, которые они имеют в виду, как будто есть какая-нибудь логическая возможность согласовать самодержавие и братскую солидарность людей. Но нетерпение этих дельцов мшает им видеть истинные препятствия и они легкомысленно воображают, что их враг в состоянии будет сдвинуть горы. Лассаль мечтал воспользоваться союзом Бисмарка для переустройства мира, другие обращаются к Римскому папе и требуют, чтобы он стал во главе униженных и нуждающихся, а когда претенциозный император Вильгельм пригласил к столу нескольких известных социологов и филантропов, то нашлись люди, которые говорили, что великий день социального переворота уже недалек.

И если престиж правительственной власти, царствующей «божьей милостью», или по праву сильного, еще ослепляет некоторых социалистов, то тем более они будут преклоняться перед всякой другой властью, которая основана на популярном праве частичных или всеобщих выборов. Чтобы завоевать в свою пользу голоса избирателей, чтобы заслужить благосклонность граждан, что с первого взгляда может показаться весьма законным, социалист, кандидат на общественную должность, охотно будет приспосабливаться ко вкусу толпы, потворствовать ей и даже умалчивать о ее недостатках; он будет игнорировать старые споры и антипатии и сдается на время другому и союзником тех, с которыми он всегда находился в антагонизме. В кликаль он постарается увидеть социалиста-христианина, в либеральном буржуа – реформатора; в шовинист – славного защитника гражданского достоинства своей нации, а в некоторых случаях он будет даже стараться не затрогивать и «собственника» или «патрона», он постарается представить ему свою программу, как единственную гарантию прочного мира. И «первое мая», которое было некогда символом победоносной борьбы пролетариата против царя – капитала, превращается таким образом в обычный праздник с гирляндами цветов и танцами. В этом заискивании перед толпой кандидат на общественные должности мало по малу забывает свои прежние гордые речи в защиту истины и независимое положение бойца, и наружно и внутренне он совершенно меняется в особенности, когда он наконец садится на обитый бархатом скамьи против покрытой красным сукном с золотой бахромой трибуны, так как тут то именно и нужно уметь приветливо улыбаться, пожимать руки и оказывать услуги нужным людям.

Такова человеческая природа, и было бы абсурдом с нашей стороны упрекать за это лидеров социалистов, которые втянувшись в избирательную борьбу, мало по малу превращаются в свободно-мыслящих буржуа: они помирились с окружающими их условиями, которые в свою очередь подчинили их себя. Таковой конец неизбежен, и историк должен только констатировать этот факт и указать на опасность, которая грозит революционерам, бросившимся очертя голову на политическую арену. Впрочем, мы не хотим преувеличивать результаты эволюции социалистов в политиков, так как группа борцов всегда состоит из двух элементов, взаимные интересы которых все более и более разнятся. Одни изменяют своему делу – другие служат только ему, и этого достаточно, чтобы произвести новую дифференциацию индивидов, согласно их действительным склонностям. Точно также в недавнем прошлом мы видели и республиканскую партию расколовшуюся на два враждебных лагеря – «опортюнистов» и «социалистов». А эти в свою очередь разделяются на политиканов и неполитиканов, первые стараются смягнуть свою программу до возможности принятия ее консерваторами, другие отворачиваются от всякого компромисса, чтобы сохранить свою революционную силу и искренность. Испытав временами минуты колебаний, неуверенности, даже скептицизма, они в конце концов оставляют «мертвецов хоронит своих мертвых», и сами займут подходящее им место в рядах активных дельцов. Но пусть они знают, что всякая «партия» требует партийных

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org приверженец, а следовательно требует солидарности как в дурном, так и хорошем смысле: каждый член партии становится солидарным с ошибками, ложью и честолюбивыми поползновениями своих товарищей и руководителей. Только свободный человек, присоединивши по собственному влечению свои силы к силам других, ему подобных свободных личностей, имеет право не оправдывать и порицать ошибки или злоупотребления своих товарищей. Он будет ответственен только за самого себя.

VII.

Мы познакомились во всех подробностях с функциями современного цивилизованного общества; нам известно также революционный социалистический идеал. Мы констатировали равным образом, что либеральные попытки реформ заранее осуждены на безрезультатность, и что в идейной борьбе единственный предмет, который нас должен занимать, так как от него зависит сама жизнь – это то, что всякое отступление от принципов приводит неизбежно в конце концов к поражению. Нам остается показать, какое большое значение имеют в нашем столь удивительно сложном обществе различные силы, входящие в столкновение; дело идет о том, чтобы так сказать исчислить силы армий, ведущих борьбу, описать занимаемые ими стратегические позиции с холодным безпристрастием военных атак, подсчитать математически точно шансы на победу той и другой стороны. Однако великая битва идей, исход которой нас так сильно занимает, не будет разворачиваться перед нами в таком же порядке, как какое нибудь сражение, в котором участвуют генералы, капитаны и солдаты, с командой – «пли» в начале и криком отчаяния «спасайся кто может» в конце. Эта длинная непрерывная борьба, которая началась для первобытных людей в девственных лесах миллионы лет тому назад и которая до сих пор привела только к частичным успехам: она все же будет иметь окончательное решение – либо вследствие взаимного уничтожения всех жизненных энергий – человечество вернется к первобытному хаосу, либо гармония всех этих сил приведет к сознательному превращению человека в высшее существо.

Современная социология показала с полной ясностью существование двух обществ, находящихся в борьбе друг с другом; они смешаны между собой, противоречия затемнены существованием и там и здесь элементов, которые желают не желая и идут вперед, чтобы сейчас же и отступить. Но если смотреть на вещи с известной высоты, оставляя в стороне нерешительных и индифферентных, двигаемых судьбой, то станет ясно, что современное общество делится на два лагеря: в одном находятся те, которые стремятся поддержать неравенство и бедность, то есть – повинение и нищету для других, наслаждение и власть для себя самих; в другом лагере находятся те, что ведут борьбу за общее благосостояние и свободную инициативу каждого.

Сначала кажется, что силы обеих враждующих сторон очень неравны: утверждают, что консерваторы гораздо сильнее. Защитники современного общественного строя владеют безграничной собственностью, их доходы исчисляются миллионами и миллиардами, все могущество государства с армией чиновников, солдат, полицейских, судебных властей, весь арсенал законов и приказов, так называемая непогрешимая догма церкви, инерция привычки, наследственные инстинкты и пошлая рутина, которая почти всегда привязывает пресмыкающихся победенных к их гордым победителям – все это на их стороне. Что же могут противопоставить всем этим организованным силам – анархисты, эти строители нового общества? Повидимому – ничего. Без денег, без армии – они несомненно оказались бы побежденными, если бы не являлись представителями идейной и нравственной эволюции. Они сами по себе ничто, но за них развитие человеческой инициативы. Все прошлое лежит на их плечах страшной тяжестью, но логика событий оправдывает их и толкает вперед, не смотря на законы и полицейских.

Попытки подавить революцию могут временно окончиться видимым успехом. Реакционеры ликуют и поздравляют друг друга. Но их радость напрасна: отхлынув в одном месте, революционная волна поднимается в другом. После того, как была раздавлена Парижская коммуна, официальный и придворный мир Европы мог думать, что социализм – это революционная стихия современного общества – умерь и похоронен навсегда. На глазах победителей немцев французская армия вообразила, что она может себя реабилитировать подавлением и разстрелом парижан – всех недовольных и революционеров.

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org На своем политическом жаргоне, консерваторы могли хвалиться тем, что они «пустили кровь бродягам». Тьер – этот несравненный тип буржуа-выскочки, думал, что он окончательно уничтожил парижских революционеров и зарыл их на кладбище Перь-Лашезь. Те же из оставшихся, которых он считал наиболее вредными представителями социалистов, были сосланы в заточение в Новую-Каледонию, к нашим антиподам. Вслед за Тьером повторяли его слова все его европейские друзья и со всех концов неслись песни Триумвира. А что касается немецких социалистов, разве они не были под надзором того, кто был «могущественнее самих государей» – одно движение бровей которого приводило в трепет Европу. А русские нигилисты? Кто были эти несчастные? Странные чудовища, дикие потомки гуннов и башкиров, в которых цивилизованные люди запада видели только зоологических особей. Увы! без труда можно себя представить, какое мрачное молчание настало, когда в Варшаву и других местах был «водворен порядок». На другой день после бойни, найдется немного людей, готовых стать под пули. Когда одно слово, один жест наказывается тюрьмой, очень редко встречаются люди, готовые подвергнуться опасности. Немногие спокойно жертвуют собой за дело, торжество которого еще не близко, или даже сомнительно: все не могут обладать героизмом русских нигилистов, составляющих прокламации в лагерь своих врагов и расклеивающих их на стенах, чуть ли не на глазах у часовых. Нужно быть самому готовым на всякую жертву, чтобы иметь право послать упрек тем, кто не смеет объявить себя борцом за свободу, когда их заработок, а следовательно и жизнь дорогих ему существ зависят от их молчания. Но если не все угнетенные – герои, они не менее чувствуют страдания, они не менее желают освободиться от гнета и настроение всех страдающих вместе с ними и знающих причины страданий создаст в конце концов революционную силу. Хотя в каком-нибудь городе вовсе не существовало бы ни одной группы, объявившей себя анархистами – все рабочие в нем все же анархисты в большей или меньшей степени. Инстинктивно аплодируют они товарищу, который говорит им об общественном строе, когда не будет хозяев и когда продукт труда будет принадлежать производителям. Этот инстинкт содержит в себе зародыш будущей революции, ибо с каждым днем он становится определеннее и претворяется в сознании. То, что рабочей смутно чувствовал еще вчера, сегодня он уже это знает и каждый новый опыт приносит ему новые знания. А крестьяне, которые не могут прокормиться продуктами своего клочка земли, и те еще более многочисленные, которые не имеют и куска глины – не начинают ли они понимать, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает? Они это всегда инстинктивно чувствовали; теперь они это знают и скоро заговорят определенным языком борьбы.

Радость, вызванная кажущимся исчезновением социализма, длилась не долго. Дурные сны мучили палачей, им казалось, что жертвы их совсем умерли. Найдется ли теперь хоть один слепец, который сомневался бы в их воскресении? И разве не те же самые продажные писаки, которые повторяли вслед за Гамбетой: «социального вопроса больше не существует», схватывают на лету слова императора Вильгельма, чтобы кричать вслед за ним: «на нас наступает социальный вопрос, он держит нас в осаде!»!, чтобы требовать против всех нарушителей порядка исключительных законов и неумолимых репрессий? Но как бы ни был жесток закон, который они могут издать, он не в силах подавить пришедшую в брожение мысль. Если бы какому-нибудь титану Энселаду удалось бросить в кратер скалу и остановить извержение, то кратер образуется в другом месте вулкана, и через новое отверстие потекут новые потоки лавы. Так, после взрыва французской революции, Наполеон мнил себя таким титаном, который закупорит кратер революции; толпа льстецов и невежд думала так вместе с Наполеоном. Однако те солдаты, которых он водил по всей Европе, служили делу распространения новых идей и привычек, завершая этим свое дело разрушения: так будущей декабрист или нигилист брать первые уроки возстания у одного из военнопленных, спасшихся при переправе через Березину. Точно также временное завоевание Испании наполеоновской армией разорвало цепи, которые приковывали Новый Свет к странам Инквизиции, и освободило огромные провинции Америки от невыносимого колониального гнета. Европа как будто остановилась, но зато Америка двинулась вперед. Наполеон оказался проходящей тенью.

Внешняя форма общества изменяется в соответствии с внутренним давлением: нет исторического факта, который был бы установлен с такой несомненностью. Сок питает дерево и создает листья и цветы; кровь создает человека, идеи создают общество. И нет ни одного консерватора,

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org который не жаловался бы на то, что идеи, нравы, все, что составляет внутреннюю жизнь человечества, изменились к худшему в сравнении с «добрым старым временем». Конечно, также переменяются и соответствующим им социальным формам. Революция приближается по мере углубления этой внутренней работы, происходящей в умах.

Однако не следует пребывать в мирном бездействии, ожидая благоприятных перемен от времени и обстоятельств. Восточный фатализм здесь неуместен, так как наши противники работают не покладая рук, и, сверх того, им часто помогают реакционные течения. Некоторые из них, будучи одарены большой силой воли, пользуются всеми находящимися в их руках средствами борьбы и обладая необходимым присутствием духа, чтобы вести атаку, не теряются в затруднительных случаях и при поражениях. «Умиряющее общество!» сардонически говорил один фабрикант по поводу книги нашего товарища анархиста Жана Грива. «Умиряющее общество! оно еще живо, чтобы поглотить вас всех!» А когда республиканцы и свободомыслящие толковали об изгнании иезуитов, этих вечных вдохновителей католической церкви: «право», вскричал один из этих священников «наш век удивительно деликатен. Не воображают ли, что пепель костров совершенно остыл, и в нем не найдется не единой искры зажечь факел? Глупцы! называя нас иезуитами, они полагают, что носят нас этим именем, но эти иезуиты готовят им цензуру, замки и костры!» Если бы все враги свободной мысли и личной инициативы обладали такой сильной логикой, такой энергией и последовательностью, они, быть может, и победили бы нас при помощи всех средств репрессии и произвола, которыми обладают современные правительства: но социальные группы, в своем эволюционном прогрессе непрерывного «становления», никогда не бывают и не могут быть строго последовательными, так как интересы и влечения людей всегда различны; кто, в самом деле, не стоит одной ногой на неприятельской почве? «Всякий чем нибудь нам союзник», по справедливому изречению одного политика нет ни одного учреждения, которое было бы вполне определенно и открыто самовластным; нет владыки, который согласно совету Иосифа де-Местра, постоянно опирался бы на плечо палача. Вопреки императорским обращениям, вопреки хвастливым цитатам в альбомах принцессы и высокомерным заявлениям на пирушках, власть в наше время уже не осмеливается быть совершенно абсолютной, или становится таковой только по капризу, по отношению, например, к заключенным, несчастным пленникам, или безправным и лишенным поддержки личностям. Всякий властелин окружен своей камарильей, не считая министров, посланников, государственных советников, из которых всякий облечен своего рода вице-королевской властью. Кроме того он связан в проявлении своей воли старинными обычаями, осторожностью, протоколами, условными приличиями, занимаемым положением – этикетом, представляющим целую науку со множеством трудно разрешимых задач: самый необузданный из них «Людовик XIV», связан тысячу раз, из которых ему никогда не освободиться. Все эти условности этикета, держа тщеславного властелина в своих тисках, как бы дают ему предчувствовать падение и постоянно же уменьшают его реакционную силу.

Люди, отмеченные печатью смерти, не ожидают, когда их убьют: они лишают себя жизни сами, они или стреляются, вешаются, или же ими овладевает меланхолия, тоска, пессимизм, словом одна из тех душевных болезней, которые предвещают и ускоряют конец. У привилегированного наследника истощенной выродившейся расы пессимизм не есть только внешняя манера или маска, а настоящая болезнь. Не познав еще жизни, несчастный юноша уже не находит в ней ничего привлекательного, живет, протестуя против нея, и это почти насильственное существование равносильно преждевременной смерти. В таком положении человек заранее осужден на все душевные болезни, сумасшествие, преждевременную старость, бешенство или декадентство. Жалуются на прогрессивное уменьшение детей в семьях; но в чем причина произвольного или произвольного бесплодия, если не в упадке жизненной энергии и жизнелюбия? В рабочих семьях, где не мало причин к огорчению, нет однако времени предаваться тоске и пессимизму. Нужно жить, идти вперед, бороться и развиваться во что бы то ни стало и возобновлять свои силы ежедневным трудом. Только благодаря росту этих трудящихся семей держится общество; из их среды постоянно появляются передовые люди, и благодаря их смелой инициативе общество не застывает в рутину и только благодаря этому постоянному регрессу и вымиранию пресыщенных благами жизни представителей привилегированных классов, новое общество обязано своим существованием.

Другую гарантию прогресса революционной мысли нам дает непримиримость

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org властей, въ которой сохранились пережитки прошлаго. Официальный жаргонъ нашихъ политическихъ обществъ, представляющій путаницу всѣхъ понятій, настолько нелогиченъ, и противорѣчивъ, что часто въ одной и той же формѣ говорится о «неотъемлемыхъ правахъ общества» и о «священныхъ правахъ сильнаго государства»; точно также въ законныхъ функціяхъ административнаго организма участвуютъ мэры и синдики, которые, будучи представителями свободнаго народа передъ его правительствомъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнителями приказаній того же правительства, обращенныхъ къ подчиненному ему народонаселенію. Здѣсь нѣтъ ни единства, ни смысла: это какой то сплошной хаосъ перекрещивающихся понятій, законовъ, нравовъ сотенъ народовъ и десятковъ тысячелѣтій, подобно тому, какъ на берегу моря перемѣшаны камни, скатившіеся съ горъ, принесенные теченіями рѣкъ и выброшенные волнами. Съ точки зрѣнія логики современное государство представляетъ картину такой путаницы, что даже самые заинтересованные защитники отказываются его оправдывать.

Такъ какъ защита интересовъ собственниковъ и «правъ капитала» является главнѣйшей функціей современнаго государства, то необходимо поэтому, чтобы защищающій такой порядокъ экономистъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи или неопровержимые аргументы, или какую нибудь ослѣпляющую разумъ ложь, которые бѣдный труженикъ, желающій вѣрить въ общее счастье, считалъ бы неоспоримыми. Но увы! Всѣ эти прекрасныя теоріи, изобрѣтенныя нѣкогда для глупаго народа, не пользуются больше кредитомъ; теперь уже никто не станетъ защищать устарѣвшее положеніе, что «благосостояніе и собственности являются наградой за труды». И, утверждая, что основаніемъ благосостоянія является трудъ, сами экономисты понимаютъ, что это ложь. Какъ и анархисты, они знаютъ, что богатство создается не личнымъ трудомъ, а благодаря труду другихъ; они знаютъ, что биржевые крахи и спекуляціи, благодаря которымъ пріобрѣтаются громадныя состоянія, совершенно справедливо могутъ быть уподоблены грабежамъ и конечно, они не осмѣлятся утверждать, что человѣкъ, могущій тратить по милліону въ недѣлю, т. е. сумму, на которую могло бы существовать сто тысячъ человѣкъ, отличается отъ другихъ людей умомъ и другими душевными качествами, превышающими въ сто тысячъ разъ умъ и способности средняго человѣка. Было бы бесполезно заниматься разборкомъ всѣхъ этихъ лицемѣрныхъ аргументовъ, на которые опираются защитники социальнаго неравенства.

Но они употребляютъ другой аргументъ, который имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что не опирается на хитросплетенную ложь: противъ требованій справедливости и равенства они выставляютъ право сильнѣйшаго и имя великаго ученаго Дарвина, противъ его воли, послужило имъ средствомъ для защиты и оправданія царящихъ повсюду несправедливостей и насилій. Сила мускуловъ и челюстей, сила дубины и кистеня – вотъ ихъ лучшій, – аргументъ! Дѣйствительно, право сильнаго, захватившаго въ свои руки всѣ источники богатствъ, царствуетъ повсюду. Тотъ, кто лучше обезпеченъ матеріально, кто принадлежитъ по рожденію къ привилегированному меньшинству, обладаетъ образованіемъ, имѣетъ могущественныхъ друзей, кто, наконецъ, лучше вооруженъ силой или хитростью, тотъ, конечно, обладаетъ и наибольшими шансами успѣха; лучше всякаго другого онъ можетъ построить неприступную крѣпость и поражать оттуда своихъ менѣ счастливыхъ собратьевъ.

Къ какому исходу привела борьба грубыхъ эгоистическихъ стремленій? Раньше не осмѣливались такъ открыто выставлять этой теоріи огня и меча, которая казалось была слишкомъ жестокой и ей предпочитали лицемѣрныя рѣчи о бережливости и трудолюбіи. Ее облекали въ глубокомысленныя формулы, смыслъ которыхъ, надѣялись, будетъ недоступенъ народу: «трудъ – это узда», говорилъ Гизо. Но научные выводы натуралистовъ изъ борьбы за существованіе въ мірѣ животныхъ – переживаніе наиболѣе сильныхъ индивидовъ, придали теоретикамъ грубой силы смѣлость бросить безъ прикрасъ ихъ наглый вызовъ: «Вы видите, говорятъ они, это законъ природы, это неизбѣжная судьба, которой одинаково подчинены и хищникъ и его жертва».

Но мы можемъ только радоваться, что вопросъ такъ упрощенъ и такъ грубо поставленъ, тѣмъ проще и его рѣшеніе. «Царство силы!» Провозглашаютъ защитники социальнаго неравенства. «Да, царство силы!» кричатъ все громче тѣ, которые пользуются благами, доставляемыми современной индустріей въ ея постоянномъ совершенствованіи – цѣль котораго прежде всего уменьшеніе числа рабочихъ рукъ. Но то, что говорятъ теоретики–экономисты, что повторяютъ за ними фабриканты, – развѣ не могутъ сказать и революціонеры, понимая только, что для нихъ настанетъ время согласнаго существованія, которое постепенно замѣнитъ существующую борьбу?

Право сильного не всегда будет законным правом монополизировавших орудия производства. «Сила побждает право», говорил вслѣдъ за другими и Бисмаркъ, но можетъ настать день, когда сила станетъ наконецъ на сторону истиннаго права. Если правда, что идея солидарности распространяется, если правда, что завоеваніе науки проникаетъ все болѣе и болѣе глубокіе слои общества, если правда, что нравственные богатства дѣлаются общимъ достояніемъ рабочихъ, которые одновременно имѣютъ наибольшіе права на производимыя ими богатства, а также и силу, не воспользуются ли они наконецъ ею, чтобы произвести революцію въ пользу всѣхъ.

Что могутъ сдѣлать отдѣльныя личности, какъ бы они ни были сильны, богаты, умны и хитры противъ солидарныхъ массъ пролетаріата? Правительства, потерявъ надежду, подкрѣпить доводами морали свои права, ищутъ теперь только «твердой власти», единственное средство, въ которомъ они нуждаются. Не трудно найти многочисленныя примѣры тому, что въ министры выбираются теперь лица, не потому, что они прославились воинскими подвигами, и не потому, что они знатнаго происхожденія или обладаютъ выдающимися талантами и краснорѣчіемъ, но единственно за абсолютное отсутствіе шепетильности. Въ этомъ отношеніи имъ довѣряютъ вполне: въ ихъ стремленіи усилить власть и защитить денежный мѣшокъ ихъ не остановятъ никакія соображенія.

Ни въ одной изъ революцій, совершившихся въ нашъ вѣкъ, мы не видѣли, чтобы привилегированныя классы боролись самостоятельно, они всегда или опирались на безчисленную армию бѣдняковъ, которымъ они старались внушить «вѣру въ знамя», или дѣлали это подъ видомъ «водворенія порядка». Шесть милліоновъ человекъ, не считая высшую и низшую полицію, заняты этимъ дѣломъ въ Европѣ. Но эти арміи могутъ дезорганизоваться, они могутъ вспомнить, наконецъ, свое происхожденіе и то, что связываетъ ихъ съ народными массами, и рука, которая управляетъ ими, не сможетъ удержать ихъ. Составленныя въ своей большей части изъ пролетаріевъ, они могутъ превратиться, и навѣрное рано или поздно превратятся для буржуазнаго общества въ то, чѣмъ сдѣлались нѣкогда наемныя варвары имперіи для римскаго общества – въ элементъ разрушенія. Исторія изобилуетъ примѣрами того политическаго ужаса, который овладѣвалъ даже такими изъ власть-имущихъ, которые сохранили до конца силу характера, но, вѣдь, есть еще и масса «правителей», которые являются простыми дегенератами, не обладающими ни достаточной энергіей, ни физической силой, чтобы пробиться къ выходу и спастись, ни достаточно человеческого достоинства, чтобы позаботиться раньше о спасеніи изъ пожара своихъ женъ и дѣтей.

Когда обездоленные объединятся для защиты своихъ интересовъ, ремесло съ ремесломъ, нація съ націей, раса съ расой, или просто человекъ съ человекомъ; когда передъ ними, наконецъ, будетъ ясна ихъ цѣль, не сомнѣвайтесь, они скоро найдутъ случай, чтобы добиться силой общей свободы. А какъ бы ни былъ могуществененъ ихъ господинъ, онъ будетъ ничто, лицомъ къ лицу, передъ этой объединенной однимъ желаніемъ массой, которая возстанетъ на него, чтобы обезпечить себѣ разъ навсегда кусокъ хлѣба и свободу.

VIII.

Кромѣ матеріальной силы, грубаго и безсовѣстнаго произвола, проявляющагося въ лишеніи работы, арестахъ и разстрѣлахъ, въ распоряженіи правящихъ классовъ имѣется, быть можетъ, и еще болѣе могущественная моральная сила, сила религіознаго внушенія. И безъ сомнѣнія нельзя отрицать значенія этой силы, съ которой нужно серьезно считаться при изученіи современнаго общества.

Энциклопедисты XVIII вѣка съ слишкомъ юношескимъ увлеченіемъ праздновали торжество разума надъ христіанскимъ суевѣріемъ, и мы должны констатировать грубое заблужденіе извѣстнаго философа Кузена, который, въ эпоху реставраціи, въ интимномъ кругу друзей воскликнулъ однажды: «католицизмъ проживетъ еще лѣтъ 50, не болѣе».

Полвѣка давно уже прошло, а масса католиковъ съ полною увѣренностью и гордостью говоритъ еще о своей церкви, называя ее «вѣчной». Монтескье говорилъ, что «при современномъ положеніи нельзя предполагать, чтобы католицизмъ просуществовалъ еще болѣе пятисотъ лѣтъ».

Но если католической церкви какъ будто и удалось расширить свое вліяніе; если франція энциклопедистовъ и революціонеровъ отдаетъ себя подъ

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org прокровительство «Св. Сердца», если духовная власть ловко воспользовались страхом, охватившим всех консерваторов, чтобы выставить религию, как единственное социальное средство против революции, если европейская буржуазия, состоявшая раньше из фрондирующих скептиков и вольтерянцев и не знавшая другой религии, кроме неопределенного деизма, теперь благоразумно слушает мессу и ходит даже к исповеди; если Квириналь и Ватикан, церковь и государство, так усердно стараются теперь сгладить старую недоразумность, то это, конечно, не потому, что вера в чудесное овладела сильнее живой и деятельной частью общества.

Она овладела только умами трусов или разочаровавшихся в жизни, а также лицемерно присоединившихся к ней заинтересованных сообщников. Однако нужно признать, что буржуазное христианство не простое лицемерие: когда какой-нибудь класс проникается предчувствием своей неизбежной гибели и видит раскрывшуюся перед ним пасть смерти, то он спешит обратиться к спасительному божеству, какому-нибудь фетишу, спасительному слову веры, или к первому встречному обманщику, проповедующему спасение и воскресение. Как римляне приняли христианство, так и бывшие вольтерянцы вернулись в лоно католицизма.

И действительно, кто хочет во чтобы то ни стало сохранить привилегированное меньшинство, тот должен принять догму, являющуюся краеугольным камнем всего здания; если полевые, лесные стражники, надсмотрщики, солдаты и полицейские агенты, чиновники и государи не внушают народу достаточного страха, то остается еще внушить ему страх Божий, страх перед вечными муками в аду и мытарствами в чистилище. Приходится напоминать о заповедях Божьих и религиозных обрядах, свидетельствующих о всемогуществе Бога.

Приходится лицемерно повиноваться непогрешимому папе, викарию самого Бога и преемнику апостола, владеющего ключами Рая. Все реакционеры объединяются в этом религиозном союзе, который является для них последним шансом на спасение, последним ресурсом победы, и в этом союзе протестанты и евреи, не менее католиков, столь же любезны папскому сердцу дѣти.

Но «за все нужно заплатить». И церковь открывает широко свои двери, чтобы принять еретиков и схизматиков: вследствие этого она в силу необходимости дѣлается снисходительной и индифферентной. Она может приспособиться к этой разнородной и изменчивой среде современного общества лишь при непреклонном условии отказаться от своей прежней нетерпимости. Догматы признают неизменными, но стараются об этом не говорить, предпочитая держать новопосвященного в неведении даже относительно Никейского символа веры. От вас даже не потребуют, чтобы вы притворились верующим: можете не верить, исполняйте лишь обряды! Коленнопреклонения, освящения крестным знаменем в надлежащие моменты и приношение на какой-нибудь алтарь «святого сердца» Иисуса или Марии – этого достаточно. Словом, как выражается Флобер в одном из своих писем к Жорж Зандь: «нужно принадлежать к католицизму, не веря ни одному слову его».

Всякий может быть уверен в радушном приеме, хотя бы и не обнаруживал искренней веры, лишь бы он своей подписью или личным присутствием увеличил число «верующих»: а тех же, кто принадлежит к влиятельной семье или имеет личные заслуги, большое состояние принимают с распростертыми объятиями. Церковь отнимает даже у родных и друзей трупы людей, живших всю жизнь вне ее лона и враждебных ее учению. Трибунал инквизиции проклял и сжег бы прах таких еретиков, наши же священники и проповедники не откажутся напутствовать их, но за известную плату. Невозможно следовательно оценить действительное значение современной эволюции церкви, если судить только по внешним признакам ее развития, т. е. на сколько увеличилось число ее храмов и число членов ее паствы.

Католицизм был бы в полнейшем разцвете своих сил, если бы все принимающие его учение и ливрею были бы искренни, и если бы лицемерно не присоединялись только из-за личных выгод к вере своих отцов. Но в настоящее время можно насчитать миллионы лиц, которым выгодно считаться христианами и которые только из лицемерия называются ими, чтобы ни говорили духовные мистики, о преследованиях, которым подвергаются верующие люди, эти преследования таковы, что о них нельзя говорить серьезно, и «Ватиканский узник» заставляет проливать слезы сострадания к нему лишь заинтересованных в этом лиц. Насколько более ужасно положение рабочих – стачечников, которых изгоняют из их жалких жилищ и

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org разстреливают массами, или тех анархистов, которых пытаются в тюрьмах! – убеждения заслуживают уважения лишь постольку, поскольку они искренно воодушевляют тех, кто их высказывает. А все эти жуиры и люди большого света, которые с показной набожностью входят в лоно церкви, сделали ли они более милосердными и снисходительными к несчастным, сочувствуют ли они тому, кто страдает? Это очень сомнительно. Напротив имеют признаки, доказывающие нам, что по мере развития внешнего значения церкви, действительная вера ослабевает. Католицизм не есть прежняя религия покорности и унижения, которая учит бедняков набожно мириться с нищетой, несправедливостью и социальным неравенством. Рабочие, даже те, которые организуют так называемые «христианские союзы» и которые, следовательно, должны были бы постоянно славословить Господа за его безконечную благодать и благоговейно ждать, чтобы воронь пророка Илии приносил им хлеб и мясо утром и вечером, даже эти рабочие превращаются в социалистов, издают постановления, требующие увеличения заработной платы и соединяются в союзы с нехристианами для поддержания своих требований. Вера в бога, в его святых не удовлетворяет уже их: им нужно также и материальные гарантии, и они их ищут не в абсолютной зависимости и послушании, которые так часто проповедуются верующим, а в союз с товарищами, в основании обществ взаимной помощи и, быть может в активном сопротивлении. Христианская религия не могла противопоставить новым средствам сопротивления новым условиям жизни: не умея приноровиться к условиям, которых не предвидели ее основатели, она все еще придерживается старых формул благодеяния, смирения и бедности, и конечно, неизбежно должна потерять все молодое, и интеллигентные силы, сохраняя только нищих сердцем – в худшем значении этого слова, «блаженных», которым в нагорной проповеди обещается царство небесное. И в то время, как лицемеры наполняют церкви, люди искренние покидают ее: целыми сотнями выходят из рядов торгующих спасением души более добросовестные священники и толпа, которая раньше всегда относилась враждебно к таким покинувшим священническую рясу лицам, теперь относится к ним с уважением.

Католицизм был в сущности осужден на гибель уже в то время, когда, потеряв всякую творческую способность в области искусства, он оказался способен только на подражание искусству неогреческому, неоготическому или эпохи возрождения. Теперь это уже религия мертвых, а не живых. Неопровержимым доказательством бессилия церкви является факт, что она уже не в состоянии остановить ни научного движения, ни все распространяющегося образования; она может теперь только задержать, но не остановить ход развития науки; некоторые церкви даже делают вид, что служат ей и помогают, стараясь держаться подальше от тех неприятных учителей, которые умеют говорить на своих лекциях против «банкротства науки». Не будучи в состоянии помешать открытию школ, они хотя бы по крайней мере руководить ими, т. е. захватить в свои руки народное просвещение, и в некоторых странах это им вполне удастся. Миллионами, десятками миллионов считают теперь детей, доверенных моральному и умственному воспитанию священников, монахов и монахинь всевозможных орденов: воспитание европейской молодежи предоставлено в своей большей части безконтрольному влиянию духовных лиц; и даже там, где они устранены гражданскими властями, им дают право надзора или же гарантии нейтральности, а то даже и сообщничества. Эволюция человеческой мысли, которая совершается более быстро, в зависимости от индивида, класса или нации, привела к тому противоречивому и ложному положению дела, при котором функции воспитания и образования поручаются именно тем лицам, которые принципиально должны презирать и отвергать всякое знание, следуя первой заповеди своего бога: «ты не вкусишь от дерева познания». И великая ирония обстоятельств привела к тому, что именно эти лица являются официальными распредделителями этого ядовитого плода.

И, конечно, мы можем им поверить, когда они хвалятся, что распределяют этот «плод» со всей осторожностью и скупостью, избобывая в то же время и противоядие ему.

Для них есть знание и знание, одному они обучают со всеми предписанными предосторожностями, о другом тщательно замалчивают. Факт, который они считают нравственным, может быть запечатлен в памяти детей, другой – обходится молчанием, как способный пробудить у учащихся дух неповиновения и протеста. Понимаемая таким образом история обращается в ложный рассказ; естественные науки сводятся на совокупность фактов без связи, без причины, без цели; в каждой серии учебных предметов вещи прикрываются словами, а в высших учебных заведениях, где признается

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org необходимымъ касаться болѣе важныхъ проблемъ, это дѣлаютъ всегда околѣнными путемъ, загромождая ихъ анекдотами, хронологическими датами и собственными именами, гипотезами, запутанными аргументами противорѣчивыхъ системъ, что такъ умъ, сбитый съ толку, охваченный недоумѣніемъ, возвращается отъ утомленія къ младенческому и безсознательному состоянію.

И все-таки какъ бы ни было лживо и не умно такое образованіе, можно, пожалуй, признать, что взятое въ цѣломъ, оно скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Все зависитъ отъ тѣхъ пропорцій, изъ которыхъ составляется микстура и отъ умственного сосуда, отъ индивидуальности ребенка, который ее принимаетъ. Единственныя школы съ дѣйствительно реакціонной программой – это монастырскія, директрисы которыхъ «святыя сестры» не умѣютъ даже читать и гдѣ дѣти учатся только крестному знамену и молитвамъ. Но внѣшнее вліяніе проникло во всѣ школы, даже и въ тѣ, гдѣ воспитаніе католическое, протестантское, буддѣйское или мусульманское по общему признанію ограничивается простыми изрѣченіями, формулами, мистическими фразами и извлеченіи изъ непонятныхъ книгъ. Иногда внезапный, случайный проблескъ прорывался сквозь весь этотъ вздоръ, раскрывшемуся уму ребенка представляется логическій выводъ, отдаленный намекъ принимаетъ характеръ откровенія, какой-нибудь безсознательный жестъ, случайный эпизодъ, могутъ совершить то зло, котораго старались избѣжать, живое слово прорвалось сквозь пустой наборъ словъ и вотъ вдругъ логическій умъ ребенка дѣлаетъ скачекъ къ опаснымъ заключеніямъ. Вѣроятность умственного пробужденія еще усиливается въ тѣхъ конгрегатскихъ или другихъ школахъ, гдѣ преподаватели, совершенно придерживаясь обязательной рутинѣ уроковъ и недоговоренныхъ объясненій, тѣмъ не менѣе вынуждены излагать факты, раскрывать связь между ними и выводить законы. Каковы бы ни были комментаріи, которыми учитель сопровождаетъ свои уроки, цифры, изображаемая имъ на доскѣ, останутся неизгладимы.

Какая истина возьметъ верхъ?

Та, которая доказываетъ, что дважды два четыре, что ничто не можетъ произойти изъ ничего, или же старая истина, которая насъ учитъ, что все въ мірѣ создано изъ небытія и утверждаетъ, что Богъ одинъ, но въ трехъ лицахъ?

Въ томъ случаѣ, если обученіе ограничивается только школой, правительство и церковь могли бы еще надѣяться держать умы въ рабствѣ, но дѣло въ томъ, что главнѣйшія знанія, получаютъ внѣ школы – на улицахъ, въ мастерскихъ, передъ ярмарочными балаганами, въ театрахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходахъ, въ новыхъ странахъ, въ чужихъ городахъ. Теперь путешествуютъ всѣ, или ради удовольствія, или ради наживы. Во всякомъ собраніи встрѣчаются люди, видѣвшіе Россію, Австрію, Америку, и если еще рѣдки кругосвѣтные путешественники, то почти нѣтъ такихъ людей, которые не путешествовали, хотя бы столько, чтобы, по крайней мѣрѣ, могли наблюдать разницу между городомъ и деревней, культурной страной и пустыней, горой и равниной, или сушей и морями. Среди всей передвигающейся съ мѣста на мѣсто массы людей есть, конечно, немало такихъ, которые путешествуютъ безъ плана и цѣли. Мѣняя одну страну на другую, они не мѣняютъ среды и остаются, такъ сказать, у себя дома; роскошь, удовольствія, предоставляемая имъ отелями, не позволяютъ имъ оцѣнить всѣ отличительныя свойства той или другой страны, того или другого народа; бѣднякъ же, сталкивающийся со всеми трудностями жизни, совершенно самостоятельно безъ проводника сможетъ лучше наблюдать и лучше узнавать.

Великая школа внѣшняго міра одинаково раскроетъ чудеса міровой промышленности и бѣдному и богатому, и тѣмъ, кто создалъ эти чудеса своимъ трудомъ, и тѣмъ, кто ими пользуется. Желѣзныя дороги, телеграфъ, гидравлическія подъемныя машины, сверлильные бурава, прожекторы, пронизывающіе лучами свѣта громадныя пространныя, всѣ эти вещи могутъ видѣть всякій бѣднякъ, дающій себѣ отчетъ, какъ и почему все происходитъ, не хуже какого-нибудь властелина, и его умъ поражается всѣмъ этимъ не въ меньшей степени. Въ пользованіи нѣкоторыми изъ этихъ завоеваній привилегіи уже не существуетъ. Механикъ, управляющій локомотивомъ, и, то удваивающій его скорость, то останавливающій его ходъ, по своему произволу, считаетъ ли себя ниже государя, который ѣдетъ сзади его въ раззолоченномъ вагонѣ, содрогается однако при мысли, что его жизнь зависитъ отъ дѣйствія рычага или поршня, или динамитной петарды.

Наблюденіе природы и твореній человѣка, жизненная практика – вотъ тѣ школы, въ которыхъ получаетъ настоящее воспитаніе современное общество. Какъ бы

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org школа въ собственномъ смыслѣ этого слова не приблизилась къ задачѣ истиннаго образованія, она все же будетъ имѣть лишь относительное значеніе, сильно отставая отъ школы окружающей соціальной жизни. Разумѣется, идеаль анархистовъ заключается не въ уничтоженіи школы, но напротивъ въ ея расширеніи, въ преобразованіи самаго общества въ огромную организацію взаимнаго самообразованія, въ которой всѣ были бы одновременно учениками и профессорами, и каждый ребенокъ, получивъ первичное понятіе обо всемъ на первыхъ урокахъ, развивался бы гармонически, соответственно его умственнымъ способностямъ въ свободно избранной обстановкѣ. Но посредствомъ ли школы или помимо нея, всякое великое завоеваніе науки въ концѣ-концовъ становится достояніемъ всего общества. Профессиональные ученые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ работаютъ надъ изысканіями и гипотезами, сражаясь среди заблужденій и лжи; но когда истина, наконецъ, познается, что часто бываетъ наперекоръ имъ и благодаря какимъ-нибудь смѣльчакамъ, которыхъ сначала оплевываютъ, она открывается во всемъ своемъ блескѣ, простая и ясная. Всѣ легко ее воспринимаютъ, кажется, что она была извѣстна всегда.

Нѣкогда ученые воображали, что небо представляетъ собою круглый куполь, металлическій сводъ, – даже не одинъ, а нѣсколько сводовъ: три, семь, девять даже тринадцать, я каждый усьянь своими звѣздами, двигающимися по различнымъ законамъ, со своимъ особеннымъ устройствомъ и своими сонмами ангеловъ и архангеловъ для охраненія ихъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ разрушены всѣ эти сложныя небеса, о которыхъ говорятъ Библия и Талмудъ, не найдется ни одного ребенка, который не зналъ бы, что земля окружена свободнымъ, безконечнымъ пространствомъ, хотя его не учатъ спеціально этому. Это одна изъ тѣхъ истинъ, которыя нынѣ становятся всеобщимъ наслѣдствомъ. Такъ было со всѣми великими научными пріобрѣтеніями. Они, такъ сказать, входятъ въ ту атмосферу, которой мы дышемъ.

Каковы бы ни были источники просвѣщенія, оно доступно всѣмъ, и на долю рабочихъ приходится не меньшая часть. Пусть какое-нибудь открытіе сдѣлано буржуа, дворяниномъ или разночинцемъ, будетъ ли ученый горшечникомъ Полисси, или канцлеромъ Бэкономъ, ихъ изобрѣтеніями будетъ пользоваться весь міръ. Конечно, привилегированные очень желали бы сохранить для себя выгоды знаній, предоставивъ народу оставаться въ невѣжествѣ. Чуть не ежедневно предприниматели примѣняютъ тотъ или другой химическій способъ, и привилегіями и патентами присваиваютъ себѣ исключительное право на фабрикацію тѣхъ или иныхъ полезныхъ для человѣчества предметовъ; какъ извѣстно императоръ Вильгельмъ требовалъ отъ врача Коха признанія государственной монополіей изобрѣтеннаго имъ средства излѣченія; многіе изобрѣтатели работаютъ надъ тѣмъ только, чтобы удовлетворить эгоистическіе вкусы богатыхъ.

Такіе эксплуататоры знаній попадаютъ въ положеніе волшебника изъ «тысячи и одной ночи», распечатавшаго сосудъ, въ которомъ въ продолженіи десяти тысячъ лѣтъ запертъ былъ усыпленный геній. Они хотѣли бы снова запереть его, и запечатать тремя замками, но забыли слова заклинанія и геній остался свободнымъ навсегда.

И по какому то странному противорѣчію, оказывается, что относительно всѣхъ соціальныхъ вопросовъ, въ которыхъ рабочіе имѣютъ прямой и естественный интересъ требуютъ всеобщаго равенства и всеобщей справедливости, имъ легче, чѣмъ профессиональнымъ ученымъ, удастся познаніе истины, которая и есть дѣйствительное знаніе.

Было время, когда огромное большинство рождалось, жили рабами и не имѣли другого идеала, какъ переменить господина.

Никогда имъ не приходила въ голову мысль, что всѣ «люди равны». Теперь же они знаютъ и понимаютъ, что это скрытое равенство, въ сущности уже осуществленное эволюціей, въ будущемъ должно превратиться въ равенство реальное, посредствомъ революціи, или вѣрнѣе непрерывнаго ряда революцій. Рабочіе, наученные жизнью, иначе понимаютъ законы политической экономіи, чѣмъ профессиональные экономисты. Они не заботятся о ненужныхъ подробностяхъ и подходятъ прямо къ сущности вопроса, спрашивая себя относительно каждой реформы, обезпечить ли она имъ хлѣбъ или нѣтъ. Къ различнымъ видамъ налоговъ, прогрессивнымъ или пропорціональнымъ они остаются равнодушны, зная, что всѣ налоги въ послѣднемъ счетѣ оплачиваются бѣднѣйшими. Они знаютъ, что для громаднаго большинства ихъ дѣйствуетъ «железный законъ»; который не имѣя того фатальнаго неизбѣжнаго характера, который ему прежде приписывали, тѣмъ не менѣе является для милліоновъ людей

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org страшной действительностью. Въ силу этого голодный, самым фактомъ своего голода, обреченъ на полученіе за свой трудъ только скуднаго пропитанія. Суровый опытъ постоянно подтверждаетъ эту необходимость, вытекающую изъ права силы. Не стало-ли общимъ правиломъ обрекать на гибель человѣка, когда онъ становится не нуженъ и бесполезенъ своему хозяину?

И такъ, безъ всякаго парадокса можно сказать, что народъ или по крайней мѣрѣ та часть народа, которая имѣетъ досугъ мыслить, не проходя даже университетскаго курса, обыкновенно знаетъ гораздо болѣе, чѣмъ большинство ученыхъ; онъ не хочетъ знать безконечныхъ подробностей, онъ не посвященъ въ тысячи головоломныхъ формулъ; его голова не загромождена названіями на всѣхъ языкахъ, какъ библиотечный каталогъ, но горизонтъ его шире, онъ видитъ дальше, съ одной стороны въ глубь прошлаго, съ его варварскимъ состояніемъ человечества, съ другой, въ преобразованное будущее; онъ лучше понимаетъ послѣдовательность событій; сознательно относится къ великимъ историческимъ движеніямъ; лучше знакомъ съ богатствомъ земного шара; въ концѣ концовъ онъ больше человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что иной товарищъ, анархистъ, изъ нашихъ знакомыхъ, котораго общество признало достойнымъ лишь тюрьмы, въ сущности мудрѣе цѣлой академіи или цѣлой банды студентовъ, только что выпущенныхъ изъ университетовъ, нагруженныхъ научными фактами. Ученый чрезвычайно полезенъ какъ каменщикъ: онъ извлекаетъ матеріалъ, но не онъ имъ пользуется, и дѣло, уже всего народа, всего общества, воздвигнуть зданіе.

Пусть каждый возвратится къ своимъ воспоминаніямъ и онъ можетъ тогда констатировать перемены, происшедшія съ половины девятнадцатаго вѣка въ образѣ мыслить и чувствовать и вытекающихъ, слѣдовательно, изъ этого соответственныхъ измѣненій въ манерѣ дѣйствовать. Казалось несомнѣннымъ, что въ каждой организаціи должна быть голова, начальникъ, командиръ. На небесахъ Богъ, хотя бы это былъ Богъ Вольтера; властитель на тронѣ, или на креслѣ, будь то конституціонный король или президентъ республики, «откормленный боровъ», по удачному выраженію одного изъ нихъ самихъ; хозяинъ при каждой фабрикѣ, старшина въ каждой корпораціи, мужъ или отецъ съ грубыми окриками въ каждомъ хозяйствѣ. Но со дня на день предразсудокъ разсѣивается и престижъ власти падаетъ; ореоль блѣднѣетъ по мѣрѣ того, какъ наступаетъ день. Вопреки приказаніямъ, чтобы и невѣрующія дѣлала видъ что они вѣрятъ, вопреки академикамъ и профессорамъ, которые должны притворяться, чтобы сохранить свой престижъ, – вѣра исчезаетъ и не смотря на всѣ колѣнопреклоненія, крестныя знаменія и мистическія комедіи, вѣра въ Вѣчнаго Господа, отъ котораго происходитъ власть всѣхъ смертныхъ господъ разсѣивается, какъ сновидѣніе ночи.

Кто бывалъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, черезъ двадцатилѣтній промежутокъ, того поражаетъ чудесное преобразованіе, совершившееся въ умахъ въ этомъ направленіи.

Оставивъ людей нетерпимыми фанатиками, коснѣвшими въ своихъ религіозныхъ и политическихъ вѣрованіяхъ, ихъ находили интеллигентными, свободомыслящими, чуткими ко всякой лжи и несправедливости. Ихъ уже не устрашаетъ призракъ мстительнаго Бога.

Упадокъ уваженія есть важнѣйшій практическій результатъ этой идейной эволюціи.

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ недовольны попы, бонзы или муллы? Тѣмъ что люди умѣютъ думать не по ихъ указамъ. На что также жалуются сильные міра сего? На то, что ихъ третируютъ, какъ простыхъ смертныхъ, имъ не уступаютъ дороги, имъ небрежно кланяются.

Да и повинуюсь представителямъ власти ради куска хлѣба, и отдавая имъ внѣшніе знаки почтенія, люди знаютъ цѣну этимъ господамъ, ихъ собственные подчиненные первые стараются обратить ихъ въ посмѣшище. Не проходитъ и недѣли, чтобы по адресу судей, одѣтыхъ въ красныя мантии, съ форменными шапочками на головахъ не раздавались со скамей подсудимыхъ ругань и насмѣшки ихъ жертвъ. Даже иногда заточенные бросаютъ своими деревянными башмаками въ головы председателей суда. А генералы! Мы ихъ видѣли на дѣлѣ. Мы видѣли, какъ они съ важнымъ, напыщеннымъ величественнымъ видомъ осматривали аванпосты, не давая даже себѣ труда подняться на воздушномъ шарѣ или послать офицера наблюдать позиціи непріятеля. Мы слышали, какъ они отдавали приказы разбирать мосты, хотя въ виду не было ни одной непріятельской батареи, и какъ они обвиняли своихъ инженеровъ, за то, что

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org они строили слишком узкие мосты, стѣснительные для атакующих колонн. Мы съ болью слышали ужасную канонаду при Бурже, гдѣ нѣсколько сотъ несчастныхъ растрѣляли всѣ свои послѣдніе патроны, напрасно ожидая, чтобы «генералиссимусъ» прислалъ имъ на помощь хотя бы небольшой отрядъ изъ полумилліонной арміи, находившейся подъ его командой! За тѣмъ мы съ изумленіемъ слѣдили за пресловутымъ «дѣломъ Дрейфуса», въ которомъ сами офицеры доказали намъ, что судебный приговоръ по приказу, интриги въ домахъ терпимости и лжепатріотическія компаніи, нисколько не противорѣчатъ правамъ и понятіямъ о чести въ арміи. Удивительно-ли послѣ этого, что уваженіе къ власти падаетъ или даже обращается въ презрѣніе.

Правда, уваженіе падаетъ, но не то истинное уваженіе, которое человекъ заслужилъ по праву своей самоотверженностью или своими трудами, а то низкое и позорное уваженіе раба, которое привлекаетъ толпу зѣвакъ къ мѣсту пріѣзда короля и которое лакеевъ и лошадей важныхъ особъ дѣлаютъ предметами восхищенія. Не только исчезаетъ авторитетъ, но и тѣ, кто всего болѣе претендуетъ на всеобщее уваженіе, сами первые компрометируютъ свою роль сверхъ-человѣческихъ существъ. Въ старину повелители Азіи знали искусство заставлять обожать себя. Ихъ дворцы видны были издалека; всюду воздвигались имъ статуи, читались эдикты, но сами они никогда не показывались.

Наиболѣе приближенные изъ ихъ подданныхъ могли предстать передъ ними только на колѣняхъ: и лишь иногда завѣса на половину поднималась, чтобы явить ихъ въ полномъ блескѣ, затѣмъ мгновенно падала, оставляя пораженными величіемъ души тѣхъ, кто лицезрѣлъ ихъ хоть одно мгновенье. Въ тѣ времена, преклоненіе было такъ сильно, что повергало подданныхъ въ состояніе самоуниженія: нѣмой приносилъ осужденному шелковый шнурокъ, и этого было достаточно, чтобы вѣрнопопанный обожатель немедленно удавился. Къ одному эмиру въ центральной Азіи подданные должны были являться съ головой, склоненной на правое плечо и веревкой на шеѣ, къ концу которой повѣшенъ былъ мечъ, чтобы ихъ повелитель по своему капризу могъ выбрать оружіе и расправиться съ своими рабами.

Тамерланъ, прогуливаясь на верху башни, дѣлаетъ знакъ пятидесяти окружающимъ его придворнымъ и всѣ мгновенно разбѣгаются во всѣ стороны. Что такое въ сравненіи съ ними тамерланы нашихъ дней, какъ не призраки хотя еще и страшные. Ставши при конституціи чистой фикціей, институтъ королевской власти утратилъ ту санкцію всеобщаго признанія, отъ которой зависѣло все его значеніе. «Король, вѣра, законъ – такова старая формула. Но «вѣры» уже нѣтъ, а безъ нея и король и законы превращаются въ пустые призраки. И къ сожалѣнію, если они не уходятъ сами, то необходимо ихъ устранить!!..

IX.

Невѣжество уменьшается, и эволюціонисты-революціонеры рассчитываютъ, что въ близкомъ будущемъ власть будетъ направляться знаніемъ. У насъ есть достаточное основаніе быть увѣренными въ лучшемъ будущемъ: несмотря на безконечную сложность явленій, исторія даетъ доказательства, что элементы прогресса берутъ верхъ надъ элементами регресса. Обозрѣвая всѣ факты современной жизни, какъ тѣ, которые свидѣтельствуютъ объ относительномъ упадкѣ, такъ и указывающіе на движеніе впередъ, мы констатируемъ, что эволюція съ каждымъ днемъ приближаетъ насъ къ тому всеобщему перевороту, мирному или насильственному, который принято называть «соціальной революціей», и который будетъ заключаться главнымъ образомъ въ разрушеніи деспотической власти лицъ и вещей и безусловномъ запрещеніи захвата отдѣльными лицами продуктовъ коллективнаго труда.

Фактомъ величайшей важности является возникновеніе Интернаціонала. Безъ сомнѣнія, такая международная организація рабочихъ существовала въ зародышѣ уже съ того времени, какъ люди различныхъ національностей, съ глубокой симпатіей и ради общихъ интересовъ, стали помогать другъ другу; теоретически она возникла уже съ того дня, какъ философы XVII вѣка во время революціи провозгласили «права человекъ»; но права эти оставались простой формулой, и собраніе, возвѣстившее о нихъ міру, воздержалось отъ проведенія ихъ въ жизнь: оно не смѣло даже отмѣнить рабство черныхъ въ колоніи Санъ-Доминго и уступило только послѣ цѣлаго ряда возстаній, когда только этой цѣной можно было сохранить колонію. Однако, Интернаціональ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ находился тогда въ процессѣ образованія; сознательное же существованіе онъ ведетъ только со второй половины XIX вѣка, и возникъ онъ въ мірѣ труда: «правящіе классы» были здѣсь не при чемъ. Интернаціональ! Со времени открытія Америки и кругосвѣтнаго плаванія не

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org было факта больше значительного въ исторіи челоуѣчества. Колумбъ, Магелланъ, Эль-Кано первые установили матеріальное единство земли; будущее же идеальное единство, о которомъ мечтали философы, начало осуществляться съ того самого дня, какъ англійскіе, французскіе и нѣмецкіе рабочіе, забывъ о національныхъ различіяхъ и понимая другъ друга, не смотря на различіе языка, объединились для того, чтобы образовать свою особую, единую націю, наперекоръ своимъ правительствамъ. Въ началѣ организація имѣла весьма скромные размѣры; едва нѣсколько тысячъ челоуѣкъ объединилось въ этой ассоціаціи, образовавшей какъ бы первичную клѣтку будущаго челоуѣчества, но историки поняли чрезвычайную важность совершившагося событія. И уже въ первые годы существованія международнаго общества рабочихъ, во время парижской коммуны, на примѣрѣ низверженія Вандомской колонны можно было убедиться, что идеи Интернаціонала стали живой дѣйствительностью. Неслыханная ранѣе вещь: побѣжденные съ энтузіазмомъ опрокинули памятникъ былыхъ побѣдъ, не изъ низкопоклонства передъ побѣдоносными пришельцами, но для того, чтобы засвидѣтельствовать чувство глубокой симпатіи къ своимъ братьямъ, которыхъ вели противъ нихъ, и чувство негодованія къ начальникамъ и королямъ, обѣихъ странъ, ведшихъ своихъ подданныхъ на бойню. Для тѣхъ, кто съ презрѣніемъ хочетъ держаться въ сторонѣ отъ партійной борьбы, созерцая свысока ходъ событія, не было въ этомъ вѣкъ болѣе внушительнаго знамени времени, какъ это ниспроверженіе императорской колонны!

Съ тѣхъ поръ она возстановлена, точно также, какъ возстановлена была и королевская власть въ Англійи послѣ смерти Карла I и во Франціи послѣ смерти Людовика XVI, но мы знаемъ цѣну такимъ реставраціямъ; ящерицу можно окрасить въ любой цвѣтъ, но при треніи о землю краска съ нея быстро сойдетъ, можно возстановить разрушенный храмъ, но этимъ не воскресишь ту вѣру, которая его воздвигла. Прошедшаго нельзя реставрировать, также какъ нельзя избѣжать будущаго. Законы всѣхъ странъ преслѣдовали Интернаціональ. Въ Италіи онъ квалифицировался, какъ «ассоціація злодѣевъ», во Франціи противъ него были изданы «исключительные законы». Членовъ Интернаціонала наказывали тюрьмой и каторгой. Въ Португаліи сурово преслѣдовалось даже произнесеніе его имени. Жалкая предосторожность! Подъ тѣмъ или инымъ названіемъ интернаціональная федерація рабочихъ тѣмъ не менѣе всюду существуетъ и развивается, становясь все болѣе и болѣе могущественной и солидарной. Какая страшная иронія судьбы! Всѣ эти министры, администраторы законодатели и ихъ прислужники легко одурачиваютъ самихъ себя, запутываясь въ своихъ собственныхъ законахъ. Ихъ оружіе едва послужило имъ, какъ уже притупилось, утратило остроту. Они преслѣдовали Интернаціональ, но не могли уничтожить естественнаго и инстинктивнаго взаимнаго сочувствія между мыслящими рабочими, все болѣе и болѣе соединявшаго ихъ чувства солидарности, все болѣе и болѣе тѣснаго союза ихъ противъ паразитическихъ классовъ и народовъ-угнетателей. Такіе законы дѣлаютъ только смѣшными тѣхъ важныхъ и сановныхъ особъ, которыя ихъ издають. Жалкіе безумцы, вы думаете справиться съ моремъ!

Правда, оружіе, къ которому прибѣгаютъ рабочіе въ своей освободительной борьбѣ, можетъ показаться до смѣшнаго слабымъ, и въ большинствѣ случаевъ оно дѣйствительно таково. Жалуясь на какую-нибудь вопіющую несправедливость, выражая свою солидарность съ пострадавшимъ товарищемъ, требуя повышенія заработной платы или уменьшенія рабочихъ часовъ, они угрожаютъ своимъ патронамъ бросить работу: какъ плебеи древняго Рима, они бросаютъ свою работу и удаляются на «Авентинскую гору». Ихъ уже не удастся вернуть на работу басней «о членахъ челоуѣческаго тѣла и желудкѣ», хотя и намъ благомыслящія газеты еще преподносятъ эту аналогію въ подновленной формѣ; теперь стачечниковъ окружаютъ войсками въ полномъ вооруженіи, съ заряженными пушками и держатъ подъ постоянной угрозой разстрѣла; и это называется «охранять свободу труда».

И дѣйствительно, солдаты иногда стрѣляютъ въ стачечниковъ; кровь обгагрываетъ пороги мастерскихъ и входы въ шахты. Но если оружіе и не пускается въ ходъ, то голодъ не хуже дѣлаетъ свое дѣло: не имѣя никакихъ сбереженій, лишеныя кредита, рабочіе оказываются передъ лицомъ неумолимой судьбы; поддерживавшее ихъ возбужденіе, внушенное гнѣвомъ и воодушевленіемъ первыхъ дней, скоро проходитъ, и подъ страхомъ смерти имъ приходится уступить, постыдно подчиниться предписаннымъ условіямъ и съ поникшими головами возвратиться въ тѣ самыя копи, которые они еще вчера называли своей каторгой. Поистинѣ, борьба неравная: съ одной стороны, капиталистъ, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, не боящійся за свое благополучіе; булочники и другіе поставщики постоянно толпятся вокругъ него, а солдаты охраняютъ входъ въ его жилище; все могущество государства и

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org даже, въ случаѣ необходимости, помощь со стороны сосѣднихъ государствъ – къ его услугамъ. И съ другой стороны толпа людей съ поникшимъ взоромъ, безъ малѣйшаго проблеска надежды въ будущемъ, сумрачныхъ и голодныхъ, бредущихъ въ ожиданіи чуда!

И однако такое чудо иногда совершается. Какой-нибудь болѣе внимательный къ своимъ рабочимъ хозяинъ иногда приносится въ жертву своимъ братьями, не желающими быть солидарными съ нимъ. Другой владѣлецъ завода или мастерской, сознавая свою явную неправду, уступаетъ голосу совѣсти или, вѣрнѣе, общественному мнѣнію. При небольшихъ стачкахъ, когда дѣло идетъ о незначительныхъ потеряхъ, или когда самолюбіе могущественныхъ финансовыхъ бароновъ отъ этого не страдаетъ, рабочіе одерживаютъ небольшую побѣду; какой-нибудь честолюбивый соперникъ иногда даже не отказываетъ себѣ въ удовольствіи сыграть дурную игру со своимъ коллегой, ставшимъ на дорогѣ, и смертельно поспорить его съ рабочими. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ дѣйствительно о серьезной борьбѣ, въ которой на карту поставлены огромные капиталы, борьбѣ, требующей крайняго напряженія всей энергіи, тамъ безграничное различіе въ ресурсахъ, которыми располагаютъ борящіеся силы, отнимаетъ у рабочихъ, обладающихъ только мускулами и правотой, всякую надежду на успѣхъ въ борьбѣ съ лигой капиталистовъ. Последніе могутъ безконечно расширять свои средства къ сопротивленію, располагая, сверхъ того, всѣми ресурсами государства и поддержкой транспортныхъ компаній. Ежегодная статистика стачекъ доказываетъ намъ неопровержимыми цифрами, что такія неравныя столкновенія чаще и чаще оканчиваются подавленіемъ стачекъ. Стратегія въ войнѣ подобнаго рода въ настоящее время достаточно опредѣлилась: лица, стоящія во главѣ крупныхъ предпріятій и компаній, хорошо знаютъ, что въ подобныхъ случаяхъ они свободно располагаютъ капиталами другихъ такихъ же обществъ, войскомъ и жалкой толпой полуголодныхъ.

Такимъ образомъ историки современной эпохи должны признать, что, въ зависимости отъ условій среды, практика частичныхъ стачекъ, предпринимаемыхъ толпой рабочихъ со сложенными руками, конечно, не представляетъ никакихъ шансовъ привести къ социальному преобразованію. Но слѣдуетъ придавать значеніе не столько дѣйствительнымъ фактамъ, сколько плодотворнымъ идеямъ и тенденціямъ будущихъ событій. И идейное движеніе среди рабочихъ проявляется съ такой силой, которая во много разъ превосходитъ мелкую стачечную борьбу, въ общемъ признающую и, слѣдовательно, поддерживающую институтъ найма, т.-е. подчиненіе рабочихъ работодателямъ. Въ собраніяхъ, гдѣ мысль отдѣльныхъ лицъ слагается въ коллективную волю, увеличеніе заработной платы не провозглашается идеаломъ: на международныхъ конгрессахъ рабочіе всѣхъ странъ единодушно высказываются за захватъ земли, заводовъ и фабрикъ, разсматриваемый уже какъ исходный моментъ новой социальной эры. Въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Австраліи раздается кличъ: «націоналізація земли!» и отдѣльныя коммуны и даже само правительство въ Новой Зеландіи уже сочли за лучшее отчасти уступить народнымъ требованіямъ. И развѣ въ простонародныхъ социалистическихъ пѣсенкахъ и припѣвахъ настойчиво не выражается надежда на присвоеніе всѣхъ продуктовъ коллективнаго труда?

Nègre de l'usine,
Forcat de la mine
Ilote des champs,
Lève – toi, peuple puissant:
Ouvrier, prends la machine!
Prends la terre, paysan![1]

Пробудившееся сознаніе рабочихъ не выливается въ однихъ пѣсняхъ. Стачки принимаютъ порой агрессивный, угрожающій характеръ. Это уже не простое проявленіе пассивнаго отчаянія, или шествіе голодныхъ людей, требующихъ хлѣба: нѣтъ, подобныя манифестаціи принимаютъ уже оборотъ, весьма непріятный для капиталистовъ. Развѣ мы не видѣли, какъ рабочіе въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе 8 дней были хозяевами всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Индіаны и части побережья Атлантическаго океана? А во время большой стачки лондонскихъ грузчиковъ и носильщиковъ развѣ всѣ доки не находились фактически въ рукахъ международной толпы рабочихъ, объединившихся въ братскій союзъ? Въ городкѣ Вьеннѣ, близъ Ліона, сотни рабочихъ и работницъ, ткачи шерстяныхъ фабрикъ, сумѣли благородно отпраздновать день 1-го мая, выломавъ ворота одной фабрики не какъ грабители, а какъ судьи: величественно и съ религіознымъ воодушевленіемъ они взяли ими самими вытканый кусокъ сукна длиной болѣе 300 метровъ и спокойно раздѣлили между собой, зная, что на общественной площади въ это время уже стягивались цѣлыя

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org бригады жандармерии, вызванные по телеграфу из всех соседних городов, чтобы атаковать и, может быть, даже стрелять в них; но они знали также, что этот акт захвата фабрики, коллективной собственности, захваченной капиталом, не будет забыт их собратьями по труду и страданиям. Они жертвовали собой ради общего блага, и тысячи людей поклялись следовать их примеру. В самом деле, не открывает ли это замечательное событие новую эпоху в истории человечества? Вот настоящая революция в благороднейшем смысле слова: и притом, будь сила на ее стороне, она тем не менее могла бы остаться совершенно мирной.

Весь вопрос в том, насколько подобные действия осуждаются или оправдываются моралью рабочих. Склоняясь все более к их оправданию, она создала бы и соответствующие факты. Каменщик объявит своим выстроенное им здание, точно также как ткач взял себя вытканную им материю, а земледельец завладеет продуктами сельского хозяйства. Таковы надежды работника и таковы опасения капиталиста. И разве в лагерь привилегированных уже не раздавались крики отчаяния, разве они уже не прибегали к крайним мерам самозащиты? Так, знаменитый завод Гомстэда в Пенсильвании, выстроен, как настоящая крепость, по всем правилам современной науки, со всеми приспособлениями для защиты и отпора против рабочих. На других заводах эксплуатируется труд арестантов, охотно поставляемых государством за самую низкую плату; все усилия инженеров направлены к применению бездушной силы машин, управляемых автоматическими движениями несвободных и оупевших людей. И кто хочет быть благоразумным, должен ослаблять и увечить себя, содействуя таким образом торжеству более ловких и искусных: он отступает перед трудностями борьбы, которая все-же скоро его настигнет.

С того времени, как только идея захвата проникнет во всю массу угнетенных, всякое событие, даже, повидимому, самое незначительное, может оказаться решающим толчком к социальному преобразованию, совершенно также, как одна искра взрывает целую бочку с порохом. И уже были предвестники этой великой борьбы. Так, когда в 1890 г. раздался призыв к празднованию «1-го мая», брошенный неизвестным лицом, может быть, каким-нибудь товарищем-австрийцем, мы видели, как быстро объединились рабочие всего мира, воодушевленные одной и той же мыслью. В этот день они доказали, что официально погребенный Интернационал ожил однако – и не по призыву вожаков, но под натиском толпы. Ни «мудрые советы» социалистов по должности, ни репрессивные меры правительства не могли помешать угнетенным всех народностей земного шара сознать себя братьями и громко заявить об этом всему миру. А между тем, повидимому дело шло о такой невинной и простой вещи, как платоническая манифестация, объединяющий лозунг, пароль для пропуска! Действительно, предпринимателями и правительством, при содействии самих вождей социалистического движения, удалось свести этот восторженный призыв к ничему незначущей формуле. И не смотря на это, этот клич, этот установленный день по своей универсальности получили этическое значение.

Всякой другой призыв – внезапный, произвольный, непредвиденный – может привести к еще более неожиданным результатам. Сила вещей, т.-е. совокупность экономических условий, конечно, породит по тому или другому поводу и, может быть, самому незначительному, один из тех кризисов, которые воспаляют даже равнодушных, и мы увидим, как вдруг забьет ключем та неиссякаемая энергия, которая долго накоплялась в человеческих сердцах от оскорблений, наносимых чувству справедливости, от неискупленных страданий и неутомленной ненависти. С каждым днем можно ожидать катастрофы. Увольнение какого-нибудь рабочего, ничтожная стачка, случайное убийство, могут послужить поводом к революции: дело в том, что чувство солидарности захватывает все большие массы, и всякое местное волнение грозит потрясти все человечество. Вот уже несколько лет, как во всем мастерским раздается новый лозунг: «всеобщая стачка». Лозунг сначала казался смешным, его приняли за пустую мечту, химеру, затем он повторился громче, и теперь он раздается с такой силой, что не раз уже заставляет содрогаться капиталистический мир. Нет, общая стачка и я разумно под этим словом не простое прекращение работы, но грозное требование всего, что должно быть достоинством рабочих, – нет, осуществление ее не невозможно, оно стало неизбежным и, может, быть близким.

Английские, французские, бельгийские, немецкие, американские, австралийские наемные рабочие понимают, что от них зависит в один и тот же день

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org отказаться от работы на своих хозяев, захватить заводы и фабрики в коллективное пользование и созная или, по крайней мере, предчувствуя это сегодня, почему не могли бы они завтра осуществить это, в особенности, если бы к стачке рабочих примкнули и солдаты? Газеты единодушно и весьма благоразумно замалчивают военные бунты и массовые уходы со службы. Консерваторы, решительно игнорирующие факты, несоответствующие их желаньям охотно склоняются к мысли, что подобная общественная гнусность невозможна, но массовое дезертирство, частичные мятежи, отказы стрелять – факты, часто повторяющиеся в плохо организованных войсках и случающиеся также в самых прочных военных организациях. Те из нас, кто помнит коммуны, живо представляют себе еще и теперь, как разоружены были народом и легко склонялись на его сторону тысячи солдат, оставленных Тьером в Париже. Когда большинство солдат проникнется необходимостью стачки, то рано, или поздно представится возможность осуществления ее.

Стачка или скорее даже только идея стачки, в самом широком смысле этого слова, приобретает особое значение в особенности тем, что она вносит солидарность в ряды борцов за свои права. Борясь за общее дело, они начинают любить друг друга. Но кроме того существуют и профессиональные организации, работа которых все в большей и большей мере также содействует социальной революции. Правда, такие ассоциации, объединение сил пролетариев, земледельческих или промышленных рабочих, встречаются с очень большими затруднениями вследствие недостаточности у них материальных средств: необходимость заработка, обезпечивающего существование, принуждает некоторых из них покидать родину, чтобы выгодно продать свою рабочую силу, других оставаться на месте, соглашаясь на самые низкие условия, которые предлагаются нанимателями. Они поработают всеми способами и ежедневная работа не оставляет времени на размышления о будущем или на свободный выбор товарищей в жизненной борьбе. Таким исключительным образом им приходится осуществлять сравнительно скромное дело, несущее тем не менее по отношению к окружающему миру зародыши новой жизни. И действительно, в жизни рабочих мы наблюдаем многочисленные признаки будущей жизни, если условия благоприятствуют и если идеи проникли в социальные группы, принадлежащие к привилегированным классам.

Нас часто спрашивают с сарказмом о тех опытах больше или меньше коммунистических ассоциаций, которые уже делались в различных частях света, и мы плохо бы понимали дело, если бы ответ на такие вопросы нас хоть сколько нибудь затруднил.

Действительно, история этих ассоциаций гораздо чаще говорит о неудачах, чем об успехах, в этих случаях не могло быть иначе, так как дело идет о полной революции, о замене труда индивидуального или коллективного в пользу одного – трудом всех для блага всех. Лица, вступающие в одно из таких обществ, организованное соответственно новому идеалу, сами еще не вполне освободились от предрасудков, старых привычек, закоснелого атавизма; они еще не сбросили с себя ветхаго человека». В своем «анархическом» или «гармоническом» мире им постоянно приходится бороться против тех разлагающих и разъединяющих сил, которые представляют собой привычки, нравы, семейные связи, всегда очень сильные, дружба с лживыми советами, любовь с ее дикой ревностью, проявления суетного честолюбия, жажда приключений, страсть к переменах. Самолюбие, чувство достоинства могут еще некоторое время поддерживать новичков, но при первом разочаровании в них зарождается тайная надежда, что предприятие не удастся и они вновь погрузятся в мятежные волны внешней жизни. Напоминают о попытке поселенцев Brok-Tarn в Новой Англии, которые, оставаясь верными ассоциации только из привязанности к добродетели и верности своему первому увлечению, тем не менее мечтали о том, что случится пожар, который разрушит у них общественные дворцы, освободив их таким образом от связывающего их клятвенного договора, хотя и не заключенного по монашеским обрядам. Очевидно, ассоциация была осуждена на гибель, хотя бы и не случилось пожара, которого тайно желали многие, потому что внутренняя воля членов общества находилась в противоречии с деятельностью их колонии.

Большинство коммунистических ассоциаций погибло по причинам аналогичным, т. е. неспособности к среде: они не управлялись, как казармы или монастыри, неограниченной волею духовных или военных властей, державших в безусловном повиновении подчиненных им солдат, монахов или верующих. С другой стороны у них не было развито достаточно то чувство

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org глубокой солидарности, которое связано съ уваженіемъ къ другой личности, съ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, съ перспективой широкаго и безконечно развивающагося идеала. Случаи такихъ разногласій и распадений тѣмъ болѣе возможно предвидѣть, что колонисты, увлеченные миражемъ обѣтованной земли, направились въ страну, совершенно отличную отъ ихъ родины, гдѣ все казалось имъ чуждымъ, гдѣ приспособленіе къ свойствамъ почвы, климату и мѣстнымъ нравамъ сопряжено было съ величайшими испытаніями. Основатели фаланстерій, сопровождавшіе вскорѣ послѣ установленія второй имперіи Виктора Консидерана по равнинамъ сѣвернаго Техаса, шли на вѣрную неудачу, предполагая поселиться среди народа съ грубыми и жестокими нравами, которые не могли не шокировать утонченныя чувства парижанъ, въ особенности при соприкосновеніи съ такимъ позорнымъ институтомъ, какъ рабство черныхъ, относительно котораго, въ силу мѣстнаго закона, они не могли даже выражать свое мнѣніе. Точно также попытка основать колонію Фриленда или «свободную землю», предпринятая подъ руководствомъ одного австрійскаго доктора, въ странахъ, извѣстныхъ только по неопредѣленнымъ рассказамъ, и съ трудомъ завоеванныхъ послѣ истребительной войны, могла казаться только смѣшной въ глазахъ историковъ: напередъ нельзя было сомнѣваться, что всѣ эти разнородные элементы не могли объединиться въ гармоническое цѣлое.

Эти неудачи не должны насъ смущать; послѣдовательно повторяясь, онѣ указываютъ на непреодолимое стремленіе соціальной воли. Ни насмѣшки, ни неудачи не могутъ заставить отказаться отъ такихъ попытокъ. Съ другой стороны у всѣхъ на глазахъ примѣтъ «кооперативовъ» и другихъ потребительныхъ обществъ, которыя также вначалѣ встрѣчали затрудненія, а теперь въ большинствѣ случаевъ они достигли цвѣтущаго состоянія. Безъ сомнѣнія, большинство такихъ ассоціацій получили очень дурное направленіе, въ особенности наиболѣе процвѣтающія, въ томъ смыслѣ, что достигнутое благополучіе и желаніе увеличить прибыль разжигаютъ корыстолюбіе у членовъ коопераций или, по меньшей мѣрѣ, охлаждають революціонный пылъ молодости. Это наиболѣе угрожающая опасность, такъ какъ человѣческая природа склонна пользоваться малѣйшимъ поводомъ, чтобы избѣжать борьбы, сопряженной съ рискомъ. Легко уйти въ свое «доброе дѣло», избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ тревогъ и опасностей, сопряженныхъ съ преданностью революціонному дѣлу во всей его широтѣ. Говорятъ себѣ, что важнѣе всего способствовать успѣху предпріятія, съ которымъ связана коллективная честь столькихъ товарищей, и понемногу вовлекаются въ мелкую практику обыкновенной торговли. Имѣя вначалѣ твердое намѣреніе преобразовать міръ, они невольно превращаются въ простыхъ лавочниковъ.

Тѣмъ не менѣе, серьезные и искренніе анархисты могутъ многому научиться у такихъ кооперативныхъ союзовъ, во множествѣ возникающихъ повсюду, которые соединяются одни съ другими, образуя все болѣе растушій организмъ, захватывающій самыя разнообразныя области: промышленность, транспортъ, земледѣліе, науки, искусства, развлеченія; они стремятся даже образовать организмъ, охватывающій производство, потребленіе и ритмъ эстетической жизни. Научная практика взаимопомощи распространяется и облегчается, остается только придать ей ея истинный смыслъ и нравственное значеніе, упростивъ всякій обмѣнъ услугъ, сохранивъ только простую статистику производства и потребленія вмѣсто всѣхъ этихъ толстыхъ книгъ съ «приходомъ» и «расходомъ», сдѣлавшихся совершенно бесполезными.

И такой коренной переворотъ не только близокъ къ осуществленію, но мѣстами уже и осуществляется. Однако совершенно излишне приводить примѣры попытокъ, какъ кажется, все болѣе и болѣе приближающихъ насъ къ нашему идеалу, такъ какъ ихъ шансы на успѣхъ могутъ возрасти только при условіи молчанія и если шумъ рекламы не смущаетъ ихъ скромнаго начала. Вспомните исторію небольшого общества друзей, извѣстнаго подъ именемъ «Монреильской коммуны». Маляры, столяры, садовники, экономки, учительницы, соединились съ цѣлью работать только другъ для друга, не давая никакихъ прямыхъ расписокъ и не спрашивая совѣта ни у сборщиковъ податей, ни у сельскихъ нотаріусовъ. Кому нужны были столы или стулья, тотъ бралъ ихъ у своего товарища, который ихъ дѣлалъ; у кого домъ требовалъ окраски, – увѣдомлялъ объ этомъ товарища, и тотъ на слѣдующій же день приходилъ съ кистью и ведромъ съ краской. Въ хорошую погоду гражданки развѣшивали для просушки хорошее чистое бѣлье или ради прогулки отправлялись за свѣжими овощами къ товарищу садовнику, и ежедневно мальчуганы учились грамотѣ у учительницъ, членовъ общества. Это было слишкомъ хорошо! Подобный скандалъ надо было прекратить. Кстати, «анархистское покушеніе» испугало буржуазію и у министра, жалкое имя котораго напоминаетъ намъ о «преступныхъ сообществахъ», явилась мысль

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org предложить консерваторамъ, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, издать декретъ о массовыхъ арестахъ и обыскахъ. Смѣлые коммунары Монтрейля подошли подъ этотъ декретъ, и наиболее виновные, т. е. самые лучшіе, подверглись всѣмъ испытаніямъ, такъ называемаго, секретнаго предписанія.

Такъ была убита маленькая грозная коммуна; но не бойтесь, она оживетъ!

X.

Мнѣ вспоминается, какъ если бы я еще теперь переживалъ тотъ мучительный часъ моей жизни, когда горечь неудачи смягчалась нѣсколько глубокой мистической, почти бессознательной радостью при мысли, что я поступалъ, слѣдуя голосу сердца и по собственной волѣ, что я былъ самимъ собой, – наперекоръ людямъ и судьбѣ. Съ того времени прошло уже треть вѣка.

Парижская коммуна сражалась съ версальскими войсками; батальонъ, въ которомъ я былъ, попался въ плѣнъ на Шантильонской возвышенности. Это было утромъ; насъ окружалъ кордонъ; солдаты и офицеры, прохаживаясь мимо насъ, насмѣхались и даже оскорбляли насъ: одинъ изъ нихъ, сдѣлавшійся позже безъ сомнѣнія однимъ изъ говоруновъ собранія, ораторствовалъ о безуміи парижанъ; мы были слишкомъ удручены, чтобы слушать его. Другой изъ нихъ, наиболее поразившій меня, былъ человекъ неразговорчивый, съ угрюмымъ видомъ и фигурой аскета, вѣроятно, деревенскій дворянчикъ, воспитанный іезуитами. Онъ медленно прохаживался по крутому краю плато и его мрачный силуэтъ ложился черною тѣнью на свѣтломъ фонѣ Парижа. Лучи восходящаго солнца бросали золотые снопы свѣта на дома и куполы церквей: никогда прекрасный городъ, городъ революціи, не казался мнѣ такимъ прекраснымъ! «Видите, вотъ вашъ Парижъ!» сказалъ этотъ мрачный человекъ, указывая своей саблей на ослѣпительную картину; «знайте же, отъ него не останется камня на камень!»

Повторяя за своими учителями библейское изрѣченіе, обращенное некогда къ Ниневіи и Вавилону, офицеръ–фанатикъ надѣялся безъ сомнѣнія, что его слова ненависти будутъ пророческими. Однако, Парижъ не разрушенъ; не только уцѣлѣлъ «камень на камень», но и люди, изъ за которыхъ его проклинали – тѣ тридцать пять тысячъ убитыхъ на улицахъ, въ казармахъ и на кладбищахъ погибли не напрасно, и изъ ихъ праха возстали мстители. А сколько новыхъ, такихъ же какъ Парижъ, очаговъ революціи возникло повсюду! Куда бы мы не явились – въ Лондонъ или Брюссель, въ Барселону или Сидней, Чикаго или Буэнос-Айресъ, вездѣ мы найдемъ друзей, чувствующихъ и думающихъ одинаково съ нами. Подъ великою крѣпостью, построенной наслѣдниками императорскаго и папскаго Рима, почва всюду минирована и всюду можно ожидать взрыва. Найдутся ли еще въ наше время, какъ въ прошломъ вѣкѣ, Людовики XV, настолько же индифферентные, чтобы, пожимая плечами, сказать: «Послѣ насъ, хоть потопъ!» Сегодня или завтра можетъ разразиться катастрофа. Валтасаръ пируеть, но знаетъ, что Персы взбираются на городскія стѣны.

Подобно тому, какъ художникъ, постоянно думающій о своемъ произведеніи, создаетъ его цѣликомъ въ головѣ, прежде чѣмъ его написать или нарисовать, точно также и историкъ предвидитъ социальную революцію: для него она уже совершилась. Тѣмъ не мѣнѣе мы нисколько не обольщаемся иллюзіями: мы знаемъ, что окончательная побѣда будетъ стоить намъ еще новыхъ потоковъ крови, новыхъ жертвъ, новыхъ страданій. Интернаціоналу угнетенныхъ противостоитъ Интернаціональ угнетателей. Повсюду организуются синдикаты, чтобы все захватить въ свои руки, продукты, прибыль, чтобы создать изъ всего человечества одну огромную армію наемниковъ. И эти синдикаты миллиардеровъ и дѣльцовъ, обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, совершенно увѣрены, что благодаря всемогуществу денегъ, они будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи правительства и ихъ орудія репрессіи: армію, суды и полицію. И кромѣ того, они надѣются, что, искусно вызывая расовую и племенную ненависть, имъ удастся держать эксплуатируемая массы въ невѣжественномъ состояніи слѣпого патриотизма, поддерживающаго рабство. Дѣйствительно всѣ эти старыя язвы, эти традиціи прежнихъ войнъ и надежды на реваншъ, эта иллюзія отечества съ его границами и его жандармами и постоянныя подстрекательства шовинистовъ по ремеслу, солдатъ или журналистовъ, все это предвѣщаетъ еще намъ много страданій, но у насъ есть то преимущество, что насъ нельзя переубѣдить. Наши враги знаютъ, что они преслѣдуютъ дурныя цѣли, а мы знаемъ, что наше дѣло правое, они презираютъ другъ друга, а мы любимъ; они стараются повернуть колесо исторіи, а мы идемъ вмѣстѣ съ ней.

Великіе дни приближаются. Эволюція совершилась, революція не замедлитъ

Эволюция, Революция и идеалы Анархизма. Жан Жак Элизе Реклю filosoff.org наступить. Помимо того, не совершается ли она постоянно на наших глазах въ видѣ сложных потрясеній?

Сознаніе, представляющее собой истинную силу, растеть, ассоціаціи стремятся охватить всѣхъ, рабочіе, составляющіе большинство, все болѣе проникаются сознаніемъ своего значенія, и революціи будутъ совершаться все легче и болѣе мирнымъ путемъ. Въ концѣ концовъ всякая оппозиція должна будетъ уступить и уступить даже безъ борьбы. Наступить день когда эволюція и революція, непосредственно слѣдуя одна за другой, отъ желанія къ факту, отъ идеи къ ея осуществленію, сольются въ единое и цѣльное явленіе. Такимъ именно образомъ функционируетъ жизнь въ здоровомъ организмѣ, будетъ ли то отдѣльный организмъ, или все человѣчество.

Примечанія.

1 Фабричный негръ, каторжникъ копей, илотъ полей, поднимайся, могучій народъ: рабочій возьми себѣ машину, крестьянинъ возьми себѣ землю!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!